

**СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО**

**ЗВЕЗДЫ-
ХОЛОДНЫЕ ИГРУШКИ**

З В Е З Д А Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Сергей Васильевич Лукьяненко
Звезды – холодные игрушки
Серия «Звезды – холодные
игрушки», книга 1

Текст предоставлен издательством «АСТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119491

*Звезды – холодные игрушки: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва;
2006*

ISBN 5-17-007504-9, 5-9713-1754-7, 5-9762-1838-5

Аннотация

Встреча с иными цивилизациями оказалась обескураживающей: земляне опоздали – Галактика уже поделена между Сильными расами, другим же, более молодым, отведена роль винтиков в этой сложной и одновременно простой структуре межзвездного сообщества – они могут делать только то, что у них получается лучше других, и не замахиваться на большее. И люди вынуждены смириться с участием космических извозчиков (ведь только они могут выжить в момент джампа – моментального прыжка на расстояние в несколько световых лет). Однако удовлетворится ли человечество торговлей космическими безделушками – или все же попытается найти свой путь и встать вровень с Сильными?..

Новый роман Сергея Лукьяненко выдержан в лучших традициях «космической оперы» и читается на одном дыхании с первой до последней страницы.

Содержание

Пролог	5
Часть первая[1]	7
Глава 1	7
Глава 2	35
Глава 3	59
Глава 4	87
Глава 5	116
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Сергей Лукьяненко

Звезды – холодные игрушки

Пролог

Океан не помнил обид. Подобно небу, он верил в свободу, подобно небу – не терпел преград. Я стоял на мокром песке, волны лизали ноги, и так легко было поверить, что чужая звезда в небе – мое Солнце, а соленая вода – древняя колыбель человечества.

Вот только линия берега – слишком ровная. Прямая, как горизонт, и такая же фальшивая. Если пойти вдоль берега, то ничего не изменится: по правую руку потянутся низкие, словно подстриженные, рощицы, по левую – будет шипеть прибой. Лишь песок под ногами изменит цвет, из желтого станет белым, из белого – розовым, из розового – черным, и – обратно. Полоска пляжа неощутимо для глаз повернет вправо, ее покроет снег, потом снова потянется песок, и когда-нибудь, очень не скоро, я вернусь к этой же точке, где волны все так же будут ласкать берег...

Один человек – уже слишком много, чтобы изменить мир. Я сделал шаг, и вода с шипением заполнила мои следы. Мир

– уже слишком мал, чтобы оставить его в покое. Да и нет для живых безмятежности. Только морю и небу знаком покой.

Я поднял правую руку, посмотрел на нее – и пальцы стали удлиняться. Я лепил их взглядом, превращая человеческую плоть в острые изогнутые когти.

Впрочем, есть ли у меня еще право называть себя человеком?

Часть первая¹

Счетчик

Глава 1

– Ты нехватишь письмо? – спросила Эльза. – Похоже, мы тут завязнем недели на две, муж начнет волноваться.

– Я бы на его месте не прекращал этого занятия, – неуклюже сострил я. Эльза только улыбнулась, протягивая через стол конверт. Ее спутники сидели метрах в пяти, пили темное пиво и скалились, оглядывая нас. Ну еще бы. Я рядом с Эльзой выглядел просто цыпленком. Красивые немки – редкость, на мой взгляд. А Эльза Шредер мало того что была красивой – в парадной форме «Люфтганзы» она выглядела слегка цивилизовавшейся валькирией. Все эти побрякушечки на кителе, длинный ряд серебристых звездочек над левым нагрудным карманом, невесть как удерживающийся на белокурых волосах берет, здоровенный пистолет в запломбированной кобуре...

– А он и не прекращает, – серьезно сказала Эльза. С юмором у нее было куда хуже, чем с русским языком. – Ну как,хватишь?

¹ В книге использованы стихи Жака Превера.

– Конечно. – Я взял конверт, попытался засунуть его в карман. Конверт упирался. Эльза вздохнула, потянулась ко мне через столик, расстегнула куртку, опустила письмо во внутренний карман, где уже лежали маршрутный лист и «кросиновые талоны».

И с чего она знает униформу «Трансаэро» лучше, чем я сам?

– Спасибо, Петер, – произнесла Эльза низким мягким голосом. Похоже, коверкая мое имя на немецкий лад, она выражала свое расположение. – Ты хороший мальчик.

Я поперхнулся от обиды. А Эльза полюбопытствовала:

– Может, заедешь во Франкфурт, сам передашь письмо? Ты бывал во Франкфурте? Муж будет рад.

Вот всегда так – стоит оказать услугу...

– У нас расписание напряженное, я дома буду дня три всего, – буркнул я.

– Тогда в следующий раз, – легко согласилась Эльза. – Пока, Петер...

Она поднялась, и я запоздало спросил:

– Куда летите?

– Джамайя. – Эльза вздохнула. – Подвернулся фрахт.

– Птички?

– Попугайчики и воробьи. – Второй пилот «Люфтганзы» поморщилась. Я ее прекрасно понимал. Перевозить тысячу гадающих, гадающих, взбесившихся от тесноты и непривычной обстановки птиц – занятие не из приятных.

Эльза вернулась к своим приятелям, а я остался наедине с недопитой кружкой. Еще вчера я бы одной не ограничился. Но сегодня вылет, так что, по-честному говоря, и эта кружка незаконная.

Я исподлобья оглядел бар. Народу было много, и все сидели тесными кучками. Самая большая и шумная – американцы из «Дельты» и «Юнайтед Эрлайнз». Чуть поменьше – японцы из «Джал» и англичане из «Бритиш Эрэйз». Даже австралийцев из «Квантаса» и испанцев из «Иберии» я углядел. Наших – никого. Уступали мы в этом секторе позиции, здорово уступали. Я вздохнул, поднимаясь. Подошел к стойке, потянулся к телефону. Здоровяк-бармен, радостно улыбаясь, подвинул мне аппарат. Воскликнул:

– О! Янг рашен пайлот!

Он меня со вчерашнего дня запомнил. Бармены русских всегда любят. Мы им выручку делаем... даже в одиночестве.

– Пайлот, пайлот, – рассеянно сказал я. Снял трубку, набрал номер диспетчерской. Ответили не сразу.

– Борт тридцать шесть – восемнадцать, «Трансаэро». Окно появилось?

Честно говоря, я надеялся, что сегодня вылететь не удастся. Можно было бы еще посидеть, попить хорошего пивка, выспаться в уютном гостиничном номере. Здесь мы бывали редко, жилье бронировали второпях, и потому мне выделили очень приличный люкс.

– Борт тридцать шесть – восемнадцать... – На том кон-

це провода девушка-диспетчер защелкала клавиатурой компьютера. – Да, есть окно. В семнадцать ноль шесть. Подтверждаете вылет?

Я посмотрел на часы. Еще не было трех.

– Да.

– На медконтроль в двенадцатый кабинет и в контрольный центр, – любезно сказала девушка.

Опустив трубку, я хмуро посмотрел на бармена.

– Фьють? – радостно спросил он.

Вот именно, фьють...

Я кивнул и пошел к двери. Навстречу ввалилась целая толпа – не то китайцы, не то филиппинцы, пришлось прижиматься к стене. Воспользовавшись заминкой, я помахал немцам рукой, но они этого не заметили.

Шумно сегодня будет в «Старом Дональде Даке»...

После полумрака бара – тонированные стекла и плотные занавеси – снаружи немудрено было и ослепнуть. Я зажмурился, доставая темные очки, нацепил их и только потом огляделся.

Сириус-А и Сириус-Б выжигали небо до белизны. Ничего, кроме света, над головой. Никаких облаков, конечно...

Земной сектор занимал окраину космодрома. Солидную часть окраины, но именно окраину. Километрах в трех от поселка тянулись посадочные полосы – нежно-сиреневые плиты, которые не были ни бетоном, ни камнем, ни пластмассой. Уже много раз пробовали взять анализ сиреневого вещества,

но пока это не удавалось. С год назад при посадке перевернулся английский челнок, пытавшийся на ходу сделать титановым скребком соскоб полосы. На дальнюю как раз садился шаттл – судя по раскраске, американский. В этом секторе торговлей занимались в основном они и французы. «Трансаэро» и «Аэрофлот» болтались в куда менее гостеприимных районах.

Между поселком и ПП стояли челноки, ожидающие очереди на взлет. Я отыскал взглядом свою «птичку» – ее уже начали выдвигать к стартовой башне. Двадцатиметровая труба, ошестиненная иглами-антеннами, и шар в основании – вот и все устройство для взлета. Как говорят у нас в компании: «С Земли надо взлететь, у Чужих надо сесть...»

Челноков было с полсотни. Оживленное место – Хикси-43, восьмая планета Сириуса-А. Единственная в этой системе, где бывают люди.

Я побрел к гостинице, втягивая голову в плечи, чтобы не напекло шею. Многие не понимают, почему мы, пилоты, при наших заработках предпочитаем отдыхать не южнее Прибалтики.

Им бы разочек позагорать под Сириусами, сразу возненавидели бы Гавайи...

Отель – теоретически – принадлежал ООН. Как и Центральный пост земного сектора космопорта. На самом деле он управлялся «Хилтоном». Я помахал морским пехотинцам у входа пропуском – безумное правило, введенное еще при

постройке сектора и действующее до сих пор. Кого, интересно, собирались отлавливать эти здоровые парни с М 16 за спиной? Людям вход в гостиницу разрешен без ограничений, а чтобы отличить чужаков, пропуск не нужен.

Один из морпехов на меня вообще не отреагировал, другой приветливо улыбнулся. Мы с ним вчера поболтали в баре. Морпехов прикрывал от света зеркальный пластиковый козырек, за спиной у каждого крутился вентилятор. Им было не столько жарко, сколько скучно. Глазеть на взлеты-посадки, ухмыляться знакомым да заигрывать с редкими девушками – вот и все занятие...

В номере я принял холодный душ, не экономя лимитированную воду. Вечером она мне уже не понадобится. Вытираться не стал, слабо гудящий кондиционер все равно не разгонял духоту. Постоял у зеркала, изучая свое лицо.

Ну да, конечно, крутым пилотом я смотрюсь только на Земле. Когда иду по улице провинциального города... да и то в Москве на космонавтов особого внимания уже не обращают. «Хороший мальчик...» Вспомнив Эльзу, я с досадой выскочил в гостиную. Хоть бы усы росли погуще! Добродушный двадцатипятилетний теленок с соломенной шевелюрой и пухлыми щеками! Любой пилот видел мою биографию насквозь: ВВС, пара самостоятельных вылетов, ускоренные астрокурсы и старый шаттл, на который жалко сажать опытного человека.

Ну и ладно.

По большому-то счету различия между нами невелики.

Я оделся, покидал в чемоданчик немногочисленные пожитки. Вышел, прихлопнув дверь, отдал горничной на этаже ключи. Постоял, пока она оформляла на терминале мой выезд.

Девчонка была замотанная и усталая. Персонала в космопортах вечно не хватало. Каждый человек влетал в такую копеечку! Налог на потребляемый воздух, налог на амортизацию почвы, налог на изменение массы планеты – мало ли их выдумано Чужими? Это не считая прямых расходов. Лучше бы поувольняли дармоедов-морпехов, чем выматывать диспетчеров КЦ и службу...

– Щасливо долететь, – ставя безумные ударения, сказала девушка. – Пан еще вернется?

– Наверное.

– Хорошо отдохнуть, пане. – Девушка вздохнула: – Мой отпуск... ой-ой... полгода!

Я сочувственно покачал головой.

– Пан знае Бориса Косуху? «Аэрофлот»?

– Нет, – признался я. С основными конкурентами мы общались нечасто. Вовсе не потому, конечно, что компания проводила такую политику. Просто наши рейсы пересекались редко.

– Веселый человек, – сказала девушка. Вздохнула: – Думала, все русские пилоты веселые...

Глупо улыбнувшись, я пошел к лифту. Что она этим хоте-

ла сказать? Можно подумать, что я – грустный человек!

Время еще было, и, забежав в бар на первом этаже, я выпил чашку крепкого кофе «по-звездному» – с корицей и имбирем. Очень полезная штука, чтобы отбить запах пива. Здесь пилоты никогда не собирались, как-то так повелось, что «Дональд» был нашей территорией, а бар при гостинице оккупировали наземники. Но кофе готовили правильный.

Теперь – врач.

Административные корпуса были недалеко. Все здесь рядом, в космопортах на других планетах. И все-таки я успел вспотеть, пока добежал по бетонной дорожке к аккуратненьким трехэтажным зданиям. Юркнул в ближайшее – между собой здания соединялись переходами из зеркального стекла, и мучиться больше положенного не стоило. Охранник сочувственно кивнул:

– Жарко?

– Жарко, – подтвердил я.

На этом наша содержательная беседа как-то сама собой затихла. Я пошел по коридорам к госпиталю.

Двенадцатый кабинет был открыт, доносились голоса, хохот. От души сразу отлегло – речь слышалась русская. Постучав по косяку, я заглянул.

– А! – Врач, невысокий крепыш в зеленом хирургическом костюме, выбрался из-за стола. – «Трансаэро»?

– Так точно.

– Да заходи, чего встал!

Он облапил меня, представился:

– Костя! Просто – Костя.

Было ему лет тридцать, а может, немного побольше. Жизнерадостность и румянец мешали понять точнее.

– Петя, – буркнул я.

Две медсестры, чинно сидевшие на диванчике у окна, прыснули.

– Месяц земляков не видел! – продолжал шуметь врач. – Когда летишь?

– Через два часа.

– Жалобы есть? – Доктор тщетно пытался принять официальный вид. – А, о чем я... Садись.

– Все в порядке. – Я достал полетную карту, едва не выронив Эльзино письмо, протянул ее врачу.

– Ты откуда родом?

– Из Москвы.

– У... далеко. А я из Абакана. Так, колись, парень. Сколько сегодня пил?

Похоже, придется признаваться...

– Полкружки пива.

Врач погрозил мне пальцем, взял со стола алкогольный детектор.

– Если больше двух кружек – сегодня никуда не пушу! Дыши!

Я послушнодохнул в раструб.

– Еще раз, – вглядываясь в шкалу, потребовал врач.

Я задышал, как спринтер после дистанции.

– Слушай, а может, ты кефир пил? – любопытствовал врач. – Ну, молодец! Молодец, парень! Наши словно решили поддержать общее мнение – всегда пьянствуют перед стартом!

– Вчера вот... перебрал, – признался я.

– Сколько?

– Три кружки.

Медсестры и врач молчали. Потом доктор опустил приборчик в карман, задумчиво изрек:

– Да, случай интересный... Где твои бумаги?

Он шлепнул на карту печать, расписался, провел над полоской магнитного индикатора перстнем-кодировщиком. Спросил:

– А летаешь давно?

– Два года.

Одна медсестра неуверенно хихикнула, другая начала мне улыбаться. Очень милая девушка...

– Ты почаще к нам заглядывай, – заметил врач. – Я диссертацию пишу: «Влияние экстремальных экстратерральных условий на поведенческие императивы». Мне нужны самые полярные случаи.

– Как компания решит. Хотя мне тут не очень нравится, – признался я. – Жарко слишком. И местные... совсем уж хмурые.

– А чего им веселиться, у них через неделю сезон коллек-

тивной эвтаназии, – хмыкнул доктор. – Личинки дозревают, надо обеспечивать свободные пространства. Ладно... Петя. Счастливо долететь.

– Спасибо. – Я начал быстренько отступать к двери.

– Сувениры хоть прихватил? – спросил доктор.

– Конечно, – похлопав по карману кителя, сказал я. Медсестры очень неуверенно засмеялись.

– Обязательно заглядывай, Петя, – помолчав, сказал врач.

– Хорошо, Костя. – Я вышел.

Все, главная проблема снята. Допуск получен.

Я прошел в корпус Контрольного Центра. Там было полно морпехов, пришлось достать пропуск и нести его в руке. Я долго искал свободного диспетчера, наконец какой-то угрюмый парень внес мои данные в компьютер и подписал последние пункты разрешения. Мой челнок уже заправили и проверили, я отдал диспетчеру талоны на две с половиной тонны керосина и подтвердил отсутствие претензий.

Вот теперь совсем все, пожалуй.

До старта оставалось полтора часа. Можно было попросить кар, но я решил прогуляться до челнока пешком. Когда еще сюда попаду?

На Хикси я прилетел с грузом простым и не хлопотным. Картинами. Ну, знаете сами – маленькие такие, пятнадцать на десять сантиметров, в деревянных рамочках и под стеклом. На каждой – клочок моря, деревья на берегу, в небе луна, а по воде – серебристая дорожка. Художники честно

старались обеспечить максимальное разнообразие, поэтому кое-где в море мелькали паруса, в небе летели птицы или луну затягивали облака. В общем-то зря они это делают, зрение хиксоидов куда совершеннее нашего. Им хватает той индивидуальности, которую придает картине выпавший из кисточки волосок или отпечаток пальца на темпере.

Обратно я вез груз еще более незатейливый – пластинки кортизона. Кажется, у хиксоидов они тоже служат украшениями. Но на Земле из пластинок делают самые лучшие бронежилеты и обшивку для новых моделей челноков. Хиксоиды не протестуют, хоть и могли бы воспользоваться Законом о Неправомерном Использовании. Видимо, считают, что люди хотят видеть свои корабли более красивыми.

Моя «птичка» из самых старых, обшита керамикой. Это – разработанная еще полсотни лет назад «Спираль», двадцатитонный челнок с небольшим грузовым отсеком. Конечно, он переделан, но внешне практически не изменился. С Земли «лапоть» – что поделаешь, форма такая, что прозвище к «Спирали» прилипло навсегда, – запускают стареньким, хоть и модернизированным «Протоном». Это ощущение не из приятных. Как говорят: «У Чужих приятно взлетать, на Землю приятно садиться».

У пропускного пункта на взлетное поле я последний раз предьявил пропуск и засунул его в карман. Все. Пора домой, пора-пора...

Обходя туши челноков, я двинулся к взлетной башне.

«Спираль» уже заканчивали выдвигать на позицию, но персонал еще не отошел, и я ускорил шаг. Всегда интересно поглазеть на Чужих.

Команда была смешанная. Два исполинских, под три метра, хиксоида. Этакие серые богомолы. С виду жутковатые, но на самом деле, говорят, чертовски хрупкие создания. Я сам видел однажды, как хиксоид споткнулся, упал и переломил одну из опорных лап. Вот и сейчас хиксоиды стояли в порядочном отдалении от челнока. Двигали его три странных существа, похожие на черепах, но не в панцире, а покрытые складчатой кожей. Временами из складок высовывалось длинное тонкое щупальце и плавно сдвигало челнок на метр-другой.

Один из хиксоидов двинулся мне навстречу. Пасть – ну не поворачивается у меня язык ртом ее назвать! – распахнулась, и хиксоид проскрежетал:

– Пилот?

Я кивнул, борясь с желанием предъявить пропуск. Не их это дело, документы мне сверять.

Хиксоид отступил. Дождавшись, пока «черепахи» отползут от «Спирали», я направился к люку. Трап «черепахи» тоже подвинули, спасибо им. Оттянув утопленную ручку, я открыл люк. Покосился на хиксоидов, наблюдавших за мной, и вошел в челнок.

Чем меньше с Чужими общаешься, тем меньше дров наломаешь. А то ляпнешь что-нибудь, внешне абсолютно без-

обидное, – и вызовешь дипломатический кризис. Например, желать хиксоидам здоровья и долгой жизни сейчас было бы колоссальным издевательством.

В челноке было здорово. Прохладно, все-таки теплоизоляция будь здоров! Пахло кожей и пластмассой. И чуть-чуть электричеством – даже не озон, а какой-то неуловимый специфический запах обилия электронной аппаратуры. И совсем немного пряностями – я их месяца два назад перевозил, при посадке несколько упаковок лопнули и разлетелись по грузовому отсеку...

Шлюз был крошечный. Маленький пульт управления дверьми, шкафчик со скафандром, который я полгода не надевал. Дверь в рубку и дверь в грузовой отсек. Я включил герметизацию, и пока в стене гудели сервоприводы, подтягивая люк, наглухо запирая челнок, пошел проверить груз.

Кортризон – штука очень легкая. Пластинки, в точности соответствующие размерам привезенных мною картин, были упакованы в прозрачную пленку и принайтрованы к стенам. На каждой упаковке аккуратно выведена масса и обозначен центр тяжести. Сверяясь со стандартной таблицей, я прикинул балансировку челнока.

Великолепно. Никаких проблем. Наверное, педантичные хиксоиды, которые лишь в искусстве ценят индивидуальность, привлекли для укладки груза счетчика.

Я запер грузовой отсек, запустил откачку воздуха и прошел в рубку. Подковка пульта тлела желтыми дежурными ог-

нями. Активировав главный компьютер, я включил связь и общее тестирование систем. Уселся в кресло, застегнул ремни.

Справа от меня полагалось стоять креслу для второго пилота. На самом деле там стоял джампер, алюминиевый цилиндр метровой высоты. Я похлопал его по прохладному боку.

Глупо относиться к двумстам килограммам проводов и микросхем как к живому существу. Скорее уж можно здороваться с компьютером. Но у каждого свои причуды.

– Контрольный Центр – борту тридцать шесть восемнадцать, «Трансаэро», – донеслось из громкоговорителя. – Готовы?

– Борт тридцать шесть – восемнадцать – Контрольному Центру. Почти готов.

– Стартовая башня дает десятиминутный отсчет. Время принятия решения – плюс три минуты.

– Вас понял. Жду подтверждения.

Я смотрел, как машина заканчивает тестировать свои собственные цепи, программы, резервный компьютер, системы челнока. Через две минуты сорок секунд включил связь и доложил:

– Борт тридцать шесть – восемнадцать – Контрольному Центру Хикси. К взлету готов.

– Удачи, пилот.

Как там говорил Гагарин? «Поехали»...

На экране дисплея недоуменно замигал силуэт челнока, обозначающий его положение в пространстве. Шаттл утратил равновесие. Шаттл покачивался, задирая нос в белое небо.

Меня запускали.

Ни малейшей перегрузки. Все те же «ноль восемь же», что и на поверхности Хикси. Изолированная гравитационная флюктуация с моей птичкой внутри рвалась в космос.

Это не походило на старт. Скорее планета проваливалась, убегала из-под челнока вниз, утрачивала плоскость, разворачивалась в шар. Послышался голос диспетчера:

– Борт тридцать шесть – восемнадцать. Ты уже летишь.

– Вижу.

– Долгого джампа!

– Спасибо, Хикси.

Легкая пелена вокруг шаттла – облака на Хикси все-таки были, просто их не увидишь с поверхности. Снова чистое небо, но уже голубеющее, пародирующее земное. Нос челнока качнулся, наклоняясь, меня погнали навстречу вращению планеты, выводя на орбиту. Стартовая башня способна контролировать челнок на расстоянии прямой видимости. Этого вполне хватает для набора первой космической скорости.

– Борт тридцать шесть – восемнадцать. Контроль космопорта дал информацию о твоём коридоре... – Диспетчер запнулся.

– Что такое, Хикси?

– На глиссаде крейсер Алари!

– Вы что, сдурели? – завопил я, косясь на экран радара.

– Это не мы, «Трансаэро». Ты должен понимать. – Диспетчер тоже был вне себя. Вот только эмоции контролировал лучше. Его можно понять... он внизу, на поверхности Хикси.

– Курсы пересекаются?

Паниковать времени не оставалось.

– Возможно...

– Время?

– Плюс двести секунд к выходу на орбиту. «Трансаэро», мы уже заявили официальный протест...

Я вдавил клавишу, отрубая громкоговоритель. Компания потом решит, подавать ли на полетный контроль Хикси в межрасовый трибунал. А мне надо спастись.

Джампер-пульт прикрывала прозрачная пластиковая крышка. Я откинул ее и дал мощность на генератор.

Сволочи... сволочи, их даже обвинить не в чем. Время подготовки к джампу – две минуты. С точки зрения Чужих, у меня вполне хватает времени, чтобы разминуться с крейсером.

«Экстренный джамп... Точка отправления – Хикси. Точка выхода – Земля. Автоопределение промежуточного пункта. Допуск...» На мгновение я запнулся, прикидывая, какую границу допуска могу себе позволить. «Ноль целых три сотых процента... Ввод».

Либо я уложусь в три сотых, либо мне предстоит веселая космическая чехарда.

Взлетная башня все еще вела меня, добавляла последние проценты орбитальной скорости. Хикси стлалась желто-белым холмом. Вокруг – лишь чернота и звезды.

Кресло ушло из-под меня, «индикатор гравитации» – привязанный леской мышонок из пушистого синтетического меха – поплыл в воздухе. Башня отключилась, и невесомость приняла челнок в самые ласковые в мире объятия. Все. Я в свободном полете. А самое главное – вне атмосферы. Теперь можно включать джампер, не беспокоясь, что часть планеты отправится в путешествие вместе с челноком. Я снова посмотрел на радар.

Крошечная точка на самом краю экрана. Большой крейсер. Очень большой. Любят маленькие вредники-алари исполинские корабли...

– Давай, давай, – прошептал я компьютеру. Надпись «работаю» на дисплее особой уверенности не придавала. Порой расчет занимал до получаса.

Точка наплывала. Прикинув направление, я вывернул голову, вглядываясь вперед по направлению полета. И увидел далекий блеск над дугой горизонта.

Вряд ли мой челнок идет так неудачно, чтобы попасть крейсеру «лоб в лоб». Но этого и не требуется. На дистанции до восьми километров меня сметет энергетический щит крейсера. Или я просто попаду в область искривленного про-

странства, остающуюся в кильватере крейсеров до четверти часа. Шаттл развалится, как гнилая лодка от удара цунами.

– Давай, сволочь! – крикнул я джамперу. И он как будто услышал.

«Расчет закончен».

Я не стал смотреть на диаграммы курса. Не отрывая взгляд от крейсера, уже превратившегося в видимый невооруженным глазом диск, нащупал клавишу пуска, сдвинул фиксатор. Джампер тихо загудел, переходя в режим готовности.

Крейсер Алари был прекрасен. Диск диаметром метров восемьсот, усыпанный башенками непонятного назначения. То ли оружейные гнезда, то ли жилые отсеки – кто из людей может похвастаться тем, что побывал на крейсере Алари? В толщину диск был метров пятьдесят, если меня не подводила память, и у основания размещались три решетки гравитационных двигателей. Сейчас они должны мерцать сиреневым светом – метрика пространства рвется, не выдерживая гигаواتт энергии, истекающих в космос. Не дай Бог увидеть этот свет.

Алари не слыли самой воинственной расой. Но крейсера их были хороши. Я вспомнил документальный фильм, который нам крутили на курсах: два крейсера Алари, разносящие в пыль *планету*. Этот грациозный танец на орбитах, тонкие лучи, полосующие поверхность, – мутно-оранжевые огненные валы катились по континентам. Потом разворот к

планете двигателями – и сиреневое пламя на весь экран. И пыль, рой астероидов, в которые превратилась планета. Скалы, сгорающие на силовых щитах крейсеров. Ад, сотворенный за пару минут.

Мы даже не знаем, что это была за планета. С населением или без. Алари предоставили нам запись просто так, для информации.

Мы приняли ее к сведению.

Видят ли они меня, алари? Наверняка. Я посмотрел на танцующего над пультом мышонка. Почти копия алари, только поменьше. Как насмешлив космос – мы стали бояться мышей. Двадцатикилограммовых пушистых грызунов, чьи крейсера разносят планеты.

Что они думают, глядя на человеческую скорлупку с жидкостными реактивными двигателями, идущую встречным курсом? Ждут фейерверка? Они не собираются маневрировать, они ползли к Хикси несколько месяцев, ломая пространство, и теперь мечтают оказаться на твердой поверхности.

– Счастливо оставаться, мышки, – сказал я, нажимая на клавишу джампа.

Джампер тонко взвизгнул, когда конденсаторы выплеснули запасенную энергию на антенну. Кажется, я успел увидеть *ничто*.

Пространство вокруг корабля раскрылось, пропуская челнок в свою изнанку.

Джамп.

Да, мы самые отсталые в этом мире. Самые дикие.
Но самые быстрые корабли – наши.

Джамп. Двенадцать с хвостиком световых лет, неизменная дистанция, она всегда одна и та же, не зависит ни от конструкции джампера, ни от массы корабля. Это что-то, заложенное в саму природу пространства, неизменное, как гравитационная постоянная или число «пи». Потому я и прыгаю не к Земле – она ближе к Сириусу. Мой шаттл ушел в сторону, в ту область космоса, откуда дистанция до Земли составит «двенадцать с хвостиком»...

Джамп.

Ни времени, ни ощущений. Только радость. Эйфория в чистейшем виде. Сверкающая тьма, полная безопасности и покоя. Секс, наркотики, алкоголь – все это ничего не стоит по сравнению с джампом. Ничего...

Как жалко, что мне нечем стонать от счастья.

В джампе нет времени. Мы проходим вне привычного пространства, и никакие хронометры не в силах зафиксировать тот отрезок времени, когда корабль преодолевает «двенадцать с хвостиком». Субъективно – джамп бесконечен.

Сладостная вечность...

Вот что гонит нас в космос, вновь и вновь. Не деньги и ордена, щедро раздаваемые компаниями и правительствами. Не экзотика чужих миров – нет ее, по сути: никто не выпускает нас за пределы космопортов.

Сладостная вечность джампа. Эйфория, с которой не сравнятся никакие земные удовольствия.

Ничто сменилось темнотой, наслаждение – болью. Нет, не болью – джамп не оставляет никаких вредных последствий. Но по сравнению с ушедшей эйфорией любое состояние – боль.

Я лежал в кресле, прижатый ремнями к мягким подушкам. Невесомость казалась перегрузкой. Одежда свинцовыми пластинами давила на кожу. Веки были шершавыми, как наждак, режущими глаза при каждом движении.

Ничего, ничего, будет еще один джамп...

Застонав, я открыл глаза. В челноке царила полная тьма. Лишь сквозь лобовые стекла сияли звезды. Здесь они ослепительны и колки, как иглы. Но света не прибавляют.

Джампер тихо потрескивал, остывая. А еще звенело в ушах – тонкий, скулящий звон. И больше ни одного звука. Челнок был полностью лишен энергии, как всегда после джампа. Расстегнув подрагивающими пальцами карман, я достал трубочку фонарика, переломил – жидкость внутри забурлила, разгораясь холодным синим сиянием. Блеснули потухшие экраны пультов, бронированные стекла.

– К-круто, – сказал я самому себе. – А, Петя? Круто?

В ушах все еще звенело. Я отстегнул ремни, повис над креслом, держась за подлокотники, не отрывая взгляда от парящего над пультом фонарика. Прошла минута, вторая, потом на пульте начали робко вспыхивать огоньки. Аккумуля-

ляторы потихоньку отходили от джамп-шока. Вот заработала система аварийной вентиляции, построенная на простейших электрических цепях. Для работы ей нужно только напряжение. Потом ожил компьютер, мигнул парой строчек и недоуменно затих. Информации на дисках не было. Все носители, которые в момент джампа находятся под напряжением, стираются начисто. Маленькое неудобство для пилотов – и огромная удача для человечества.

Из контейнера под правым подлокотником кресла я достал первый из компакт-дисков, вставил в прорезь пульта. Начнем с азов... Диск завращался, компьютер жадно глотал операционную систему, программы жизнеобеспечения, тестовые программы. Пора оживать, дружок... Я оттолкнулся, перемахнул через кресло, поймав в движении фонарик. Полагается осмотреть челнок. Впрочем, мне куда больше хотелось поглазеть в иллюминаторы. Побыстрее, пока не включилось освещение, пока компьютер не оживил основные системы челнока и робкий шелест вентиляции не сменился привычным гулом.

А звон в ушах все не проходил...

Я повис перед иллюминатором правого борта, глядясь в космос. Вот он, Сириус, одна из обителей хиксоидов. Яркая белая звезда. А если вывернуть голову до отказа, то видна почти прикрытая носом челнока маленькая желтая звездочка – Солнце.

Компьютер тихо пискнул, закончив считать первый

диск. Я оттолкнулся от стены, подплыл к пульту, сменил сидишник, посмотрел на дисплей. Все в порядке, главные цепи уже запущены, идет проверка систем. Откуда же у меня странное ощущение неправильности? Откуда тревога? Что не так?

Включилось освещение, маленькая кабина наполнилась светом. Забавно, наверное, выглядит шаттл со стороны – сияющая песчинка среди бескрайней пустоты. При желании можно натянуть скафандр, выйти наружу – например, под предлогом осмотра груза, – и сделать пару фотографий. Но у меня не настолько крепкие нервы, чтобы болтаться вне кабины, наедине со звездами и пустотой.

И без того не по себе. В чем же дело?

Я покрутил головой, проглядывая экраны оживающих пультов, аварийные датчики, пытаюсь сквозь плывущий в ушах скулеж поймать хоть один тревожный сигнал.

Черт!

Не в ушах у меня звенит! Звук шел из шкафчика с инструментами и продуктами!

Вот это влип!

Я растегнул кобуру, достал пистолет. Передернул затвор – конденсатор из обоймы скользнул в казенник. Что ни говори, а лазерные «Кнуты» российских авиакомпаний имеют одно огромное преимущество: из них можно стрелять в кабине челнока. Луч слишком слаб, чтобы прожечь корпус. Это оружие тоже ровесник «Спирали», его разработали еще

для лунной программы.

Мы так и не слетали на Луну.

Мы стали летать к звездам. К неприветливым искрам в небе, которые не принадлежат нам.

И никогда не будут принадлежать.

Главное было – не сомневаться. Минутное размышление – и мне не хватит отваги открыть шкаф. Обезумевший хиксоид... нет, хиксоид в этот шкафчик не влезет... да кто угодно, пусть даже мышонок-алари без бронекостюма, в любом случае утратившее разум существо – опасный враг.

Оттолкнувшись ногами от пульта, я подлетел к шкафчику, сдвинул предохранитель – на пистолете зажегся зеленый огонек – и распахнул дверцу.

На нижней полке, среди прижатых резинками пакетов с одеждой, подергивался и тихо, звеняще выл чешуйчатый серый шар.

Счетчик!

Я чуть отплыл от шкафчика, не отрывая взгляд от скулящего существа.

Ой-ей-ей...

Какого лешего ты сюда забрался, рептилоид? Для тебя не было проблемой вскрыть кодовые замки. Что такое миллион комбинаций для существа, обгоняющего в скорости мышления любой земной компьютер и способного напрямую подключаться к электронным цепям... Но зачем ты ринулся навстречу безумию?

Лишь для нас, людей, джамп – сладостная вечность.

Ни один Чужой не способен перенести прыжок сквозь изнанку пространства и остаться в здравом уме. Это открылось двадцать лет назад, когда патрули хиксоидов зажали у Сириуса американский челнок и состоялся тот самый долгожданный Контакт.

Это и спасло человечество.

Мы заняли ту странную нишу, которая была свободна в галактической иерархии рас. «Чайные клиперы» космоса... Для чужих путь от звезды к звезде – месяцы. Для нас – часы или минуты. Не самая приятная роль работать извозчиком.

Но по крайней мере она дает нам свободу.

Рептилоид по-прежнему стонал и вздрагивал в своей эмбриональной позе. Что с ним творится... невозможно представить. Нечеловеческая психика, а теперь еще и нечеловеческое сумасшествие. Одно хорошо, счетчики – одни из самых слабых и беззащитных существ космоса.

Я протянул руку, коснулся мягкой, словно бархат, чешуи. Рептилоид вздрогнул под рукой, сплющился, выдвинув маленькие лапки.

– Дурак ты, дурак... – прошептал я.

Счетчик мелко трясся, разворачиваясь. Он походил на крупного варана или, скорее, на броненосца. Теплокровный, кажется – яйцекладущий... мало мы знаем о своих небесных соседях.

– Что теперь делать, а? – спросил я. За спиной попискивал

компьютер, требуя очередной диск. Ничего, потерпит. Жизненно важная информация уже введена.

Рептилоид наконец-то выпрямил короткую шею, оттянул от брюха маленькую треугольную голову. Мигнули, поднимаясь, серые зрительные перепонки.

Глаза у счетчика были нежно-голубые, раскосые.

– Тебе уже все равно, – сказал я, пытаюсь отвести взгляд. – А мне теперь трибунал светит. За похищение Чужого. Кто поверит, что ты сам забрался в челнок?

Узкий рот рептилоида открылся, обнажая ровные жевательные пластинки.

– Не-не-не... – прошипел счетчик.

Меня пробил дрожь. Я дернулся, закувыркался, затормозил у потолка, повис над шкафчиком, целясь в рептилоида.

– Не у-би-вай... – Существо, которое должно было быть безумным, уцепилось лапками за пакет с парадной формой. Затрещал рвущийся полиэтилен. – Че-ло-век не уби-вай важно нам о-бо-им.

Чего стоят эти слова рептилоиду с его крошечными легкими и неразвитыми голосовыми связками? Они всегда общались на уровне электронных импульсов, счетчики. Живые компьютеры космоса. Такие же слуги, как мы.

Просто – более старые слуги.

– Про-шу че-ло-век...

Для него эти слова – крик. Надрывный вопль в совершенно чужой коммуникационной системе. Есть ли у него слух –

чтобы услышать мой ответ?

И что я могу ответить?

Как на вводной лекции в астрокурсах с нами беседовал Джеймс Макнамара, капитан шаттла «Эксплорер», человек, осуществивший первый контакт... Как он рассказывал всем известное – про обезумевших после джампа хиксоидах и впавших в кому алари... а потом добавил то, что никогда не говорится на публике.

«Мы думали, что случившееся – гибель человечества. Но оказалось, что это его спасение. В тот день, когда Чужие научатся переносить джамп, независимости Земли наступит конец».

Вот он, конец. Счетчик, не сошедший с ума после джампа.
– Я – друг... – прошипел рептилоид. – Я – друг, я – друг...

Глава 2

Самое сложное в космосе – это вовсе не полет. Самое сложное – ориентирование. Даже на околоземной орбите это очень ответственная процедура, что уж говорить о межзвездном пространстве.

Моя «птичка» ориентируется по шести звездам. Вначале я грубо навел датчик на Сириус – машина придирчиво сверила его спектр с эталонным и согласилась с моим мнением, что это именно Сириус. Потом несколькими толчками двигателей ориентации я нацелился на Фомальгаут. Дальше компьютер будет работать сам. Шесть ориентиров. И вычисления – миллионы, миллиарды операций, чтобы рассчитать ту цепь прыжков, что выведет «Спираль» к Солнечной системе, более того – именно к Земле.

Если мой челнок выскочит из джампа где-нибудь в районе Марса – меня, вероятно, спасут. Если в районе Плутона – придется уходить на повторный заход... такое бывает довольно часто. Но порой энергия или кислород кончается раньше, чем челнок выходит к Земле. А иногда от серии джампов пилоты впадают в гиперпространственную эйфорию. И начинают бесконечные прыжки в никуда – джамп ради джампа, пока не иссякнет энергия...

Я развернулся в кресле и посмотрел на рептилоида. Счетчик сидел на цилиндре джампера – жутковатая фигура, что-

то вроде маленькой ожившей горгульи.

– Как мне тебя называть? – спросил я.

Наверное, он размышлял, но очень быстро. Казалось, что ответ был готов мгновенно.

– Зови меня Карел.

– Это человеческое имя.

– Да. Так звали первого... – Пауза, рептилоид втягивал воздух, чтобы продолжить фразу: – ...представителя вашей расы... с кем мы наладили общение.

– И ты считаешь это достаточным основанием, чтобы позаимствовать его имя?

– Да. Я не прав?

– Какая разница. – Я пожал плечами.

Теплокровная яйцекладущая ящерица по имени Карел смотрела на меня прозрачными голубыми глазами. Ожидаяще смотрела.

– Я – Петр.

– Это имя связано с твоими религиозными убеждениями?

– Чего? Да нет, это просто имя.

– Хорошо.

Шаттл снова задрожал, разворачиваясь. Делал он это медленно и неуклюже: что ни говори, а системе ориентации – полвека. Конечно, ее дорабатывали, улучшали, но при всем желании «жигули» в «мерседес» не превратишь.

– Требуется помощь? – с едва заметной вопросительной интонацией произнес рептилоид.

– Какая?

– В расчетах.

– Спасибо, обойдемся.

– Я хотел бы быть полезным.

Вот уж радость – нашелся второй пилот...

– Ты мне не нужен. Какого черта вообще залез в мой корабль?

Счетчик втянул треугольную голову, словно испытывая смущение.

– Петр, я несу важную информацию.

– Для кого?

– Для людей.

Я кивнул. Очень содержательно.

– А от кого?

– От Счетчиков.

– Только не надо меня держать за простофилю, ладно? Мы кое-что о вас знаем!

– Что? – прошелестел рептилоид.

– Вы не имеете решающего голоса в галактическом Конклаве. Ваша планета – коллективная опекаемая территория с преобладающим влиянием Хикси и Даэнло. Что вы можете сделать для человечества?

– Дать ему силу и власть.

Голосок у рептилоида был ровным и скучным – видимо, передача эмоций давалась ему с трудом.

– Ты врешь, счетчик.

– Карел.

– Хорошо. Ты врешь, Карел. Человечество не нуждается в помощи.

– Ваша планета имеет статус наблюдателя в Конклаве. Вы находитесь под консультативной опекой Хикси и Даэнло. Сильные расы сочли, что это проще, чем брать Землю под протекторат, и выгоднее, чем уничтожать. Вы имеете право основания колоний, но только после отказа от планеты всех рас с правом решающего голоса. За двадцать лет ни одна открытая людьми планета не была передана Земле.

– Нам пока хватает места.

– Пока. Вам никогда не позволят распространяться по галактике. Вы останетесь резервацией. Будете возить срочные грузы – до тех пор, пока не найдут альтернативы джампу.

Компьютер пискнул и мягким женским голосом произнес:

– Расчет джампа закончен. Жду указаний.

Под пристальным взглядом счетчика я протянул руку к пульта, набрал на парольной клавиатуре код. Одна из панелей на пульте сдвинулась, открывая маленькую нишу с тремя клавишами. Ниша была подсвечена красным светом.

– Что это? – спросил рептилоид.

– Это смерть-пульт, Карел.

Я осторожно провел пальцами по клавишам. Нажать их непросто, они тугие, на тренажере все курсанты в этом убедились.

– В нашей присяге, Карел, есть такая фраза... – Я искоса

следил за ним, пытаясь уловить хоть какое-то движение. – *Высшей ценностью будут для меня интересы человечества. Любой ценой я буду защищать его от угрозы, от кого бы она ни исходила.*

– Это разумное обещание, – сообщил рептилоид.

– Я могу отправить шаттл в джамп-серию, сжечь джампер или подорвать топливные баки. В любом случае – это наша смерть.

– Зачем, Петр?

– Чтобы никто не узнал, что вы можете переносить джамп.

Я не то чтобы врал. Честно говоря, я просто не мог понять, готов ли надавить одну из клавиш. Но счетчик отнесся к моим словам абсолютно серьезно.

– В этом нет необходимости, Петр. В этом нет никакой необходимости. Абсолютно нет.

– Докажи. – Я опустил палец на клавишу джамп-серии.

– Иные расы не знают, что счетчики способны выдержать джамп.

– Они могут узнать.

– Это не поможет, Петр. Наш метод только для нас. Он уникален.

– И в чем он состоит?

– Я отвечу на Земле.

– Что ты хочешь предложить людям?

– Я отвечу на Земле.

– Почему?

– Мы мало о тебе знаем, Петр. Мы не решили, можно ли тебе доверять. Информация очень ценна, если Сильные расы узнают ее – будет потеряно слишком многое.

Я не сразу осмыслил его намек.

– Ты что, хочешь сказать, что я могу предать Землю и сообщить твои слова Чужим?

– Да.

А чему я, собственно, удивляюсь? Ведь даже на «Эксплорере» была Эвелин Ракш, «проклятие феминизма» и «позор афроамериканцев», чернокожая женщина-пилот, навязанная в экипаж показушниками из НАСА. Милая молодая женщина, без всяких пыток и угроз выложившая хиксоидам абсолютно все. И что такое джамп, и как управляется челнок, и где находится Земля... Конечно, и без ее помощи Чужие узнали бы это. Но факт остается фактом.

Я видел пленку с записью ее допросов на Земле. Она так и не смогла объяснить своего поступка. Поскольку адвокат строил защиту на непроверяемом утверждении о пси-воздействии хиксоидов на его подопечную, Эвелин была просто отстранена от космической программы. Ей пришлось сменить имя и перебраться куда-то в Канаду, где она и покончила с собой через полгода. Может быть, она и впрямь шагнула с балкона, может быть, ей помогли, не знаю...

– А кому ты мог бы довериться? Директору «Трансаэро»? Ассамблее ООН? Президенту России?

– Андрею Хрумову.

Я долго молчал. Счетчик сразил меня наповал.

– Ты знаешь, кто он?

– Психолог, участник первых контактных переговоров Земли и галактического Конклава. Автор «Манифеста обреченных».

– А еще?

– Твой предок по мужской линии.

– Мой дед.

– Дед, – согласился счетчик.

– Карел, дед тебя убьет, если сумеет догнать.

– Я передвигаюсь медленно.

– Он тоже не быстро, ему за семьдесят. Но он будет очень стараться. Ты потому и забрался в мой челнок, что хочешь встретиться с дедом?

– Один из факторов, – признал счетчик.

– Карел, никогда не думал, что ваша раса столь безумна. Искать помощи и сотрудничества у человека, который ненавидит все инопланетное, у самого отъявленного шовиниста...

– А кто тебе сказал, что мы не шовинисты?

Я посмотрел в глаза рептилоиду. Тот медленно разжал рот, изгибая его в улыбке. Надо же. У живых компьютеров есть чувство юмора.

– Не нравится мне это, – признался я. – Блин. Так я влип из-за деда? Вначале едва на курсах не завалили, потом братья на работу не хотели, теперь – в такой навоз вляпался?

– Что поделаешь. Это общая проблема тех рас, чьи граждане не могут выбирать своих родителей, – сказал счетчик.

Я закрыл панель смерть-пульта. Мне показалось, что счетчик облегченно вздохнул.

Навигационный расчет едва не пропал даром. Я слишком долго разговаривал со счетчиком, запугивал его смерть-пультом, а время принятия решения истекало. Звезды скользили по своим орбитам, и с каждым мгновением шансы на удачный джамп истекали.

– Приготовься, – сказал я счетчику. Тот понял и подобрался, цепляясь за кожух джампера, скользя коготками по металлу. Глаза рептилоида закатились.

Как же он выдерживает джамп?

За четыре секунды до автоматического сброса навигационных расчетов я нажал кнопку джампа, и пространство вывернулось наизнанку.

О-о-о!

Дольше, дольше, дольше...

Пусть этот миг не кончается, пусть корчится от ужаса счетчик, пусть тщетно добивается равноправия Земля, пусть Сильные расы играют в свои взрослые игры... Плевать, лишь бы продлить этот миг, превратить его в вечность...

Я открыл глаза.

Темнота и скулеж счетчика.

Как тяжело возвращаться в реальность.

Химический фонарик замерцал в моих руках. Я увидел тоненькую ниточку собственной слюны, плывущую в воздухе и медленно сворачивающуюся в шарик. Смахнул ее рукавом, поискал взглядом рептилоида. Как тяжело двигаться...

Счетчик дрейфовал у лобового иллюминатора, рядом с игрушечным мышонком. Кажется, этот джамп дался ему тяжелее – чешуйчатое тело тряслось в непрерывных мелких судорогах.

– Счетчик! – позвал я. – Карел!

Очень медленно рептилоид отвел от брюха голову и прошептал:

– Прошу прощения...

– Как ты это делаешь? – резко спросил я. – Как выдержи-ваешь джамп?

– Я... – Пауза. – Объясню позже...

Потянувшись, я схватил его за переднюю лапу и подтащил к пульте. Счетчик торопливо забрался на свой насест.

Он все готов объяснить, но позже. Может быть, когда станет слишком поздно. Одобрят ли на Земле мой поступок, или напомнят о присяге и смерть-пульте? Не знаю. Но вначале надо добраться домой.

Сбросив ремни, я скользнул к иллюминатору левого борта. Ничего интересного – только звезды. Вроде бы рисунок созвездий очень привычный, неискаженный.

– Мы прилетели? – полюбопытствовал счетчик.

– Да, вот только куда? – Я оттолкнулся, перелетая через

кабину. Взглянул в другой иллюминатор – тоже ничего особенного. Ладно, придется потерпеть. Челнок медленно вращается вокруг оси, что-нибудь да увижу.

Пискнул компьютер – приборы оживали.

– Необходимо вставить носитель информации? – спросил счетчик. Я посмотрел на него – он уже перебрался в кресло, тянулся лапой под правый подлокотник. Хорошо подготовился, знает, где что лежит.

– Сумеешь?

– Вероятно, да.

С полминуты счетчик возился с замком – три длинных тонких пальца на лапах были достаточно подвижны, но им не хватало противостоящего. Наконец двумя лапами он открыл защелку и вытянул лазерный диск.

– Валяй... Карел, – буркнул я. Словарный запас у счетчика был отменный – он понял.

Пару минут я пялился в холодное сияние космоса, а рептилоид возился у пульта, тихо шипя, когда рассчитанные на людей кнопки не поддавались его усилиям.

– Могу ли я подключиться к системе напрямую? – спросил счетчик после особенно бурной схватки с сидиромом. Я не ответил, потому что очередной оборот челнока наградил меня действительно красивой картиной.

– Карел! – негромко позвал я. Рептилоид медленно подплыл ко мне.

– Гляди.

Сатурн выглядел как на фотографии в детской книжке. Кольцо было повернуто к нам плоскостью под небольшим углом, и солнечный свет вычерчивал его рельефно и предельно красочно. На фоне желто-коричневого шара планеты, какого-то плоского и не впечатляющего, кольцо казалось куда более вещественным и массивным... вьющаяся в космосе каменная река.

– Красиво? – спросил я, сам удивляясь своему вопросу. Что такое понятие красоты для чужой расы?

– Да. – Счетчик дышал тяжело и часто. – Это... похоже на дом.

– На твою планету?

– Да...

Здорово. В справочнике данные о родной планете Счетчиков полностью отсутствовали. Теперь можно смело записать: «окружена кольцом»...

– Это Сатурн? – спросил Счетчик. – Джамп оказался удачным?

– Сатурн. Но ничего хорошего в этом нет.

Рептилоид уставился на меня.

– Карел, на моем корабле жидкостные ракетные двигатели. Ты ведь знаешь, что это такое?

– Дрянь, – безжалостно сказал счетчик.

– Верно. И чтобы вернуться на Землю, челнок должен оказаться от нее на расстоянии не более пятисот тысяч километров, в плоскости эклиптики и со скоростью относительно

планеты не более сорока километров в секунду.

– Дрянь... – повторил счетчик. – Вы часто гибнете?

Я не ответил, любуясь уплывающим из поля зрения Сатурном. На краю иллюминатора разгорался ослепительный блик – Солнце спешило заглянуть нам в глаза.

– Вам нужна помощь, человек, – сказал счетчик. – Вам очень нужна помощь...

– Будем уходить на повторный джамп.

Счетчик дернулся.

– Здесь нет человеческих поселений?

– На Сатурне? Шутник. На Ио... это спутник планеты, собираются открыть научную станцию. Может быть, года через два и смогут.

– У нас нет такого количества времени. – Счетчик отвернул голову от иллюминатора.

Я не стал напоминать ему, что в челноке нет запаса кислорода и на неделю. Помог ему добраться до пульта, вставил очередной диск.

– Работай. У меня дела.

Оставив рептилоида, я подплыл к шкафчику санитарных средств. Повернувшись спиной к счетчику, достал мягкий гофрированный шланг, расстегнул брюки.

– Потребность в удалении отходов?

Господи...

Отвечать я, конечно, не стал. Включил отсос и попытался забыть про любопытный взгляд рептилоида, буравящий

спину. Ненавижу эти мелкие бытовые проблемы. Но что поделаешь, если у нас нет искусственной гравитации.

– Больше не комментируй мои потребности, ладно?

– Извини, – кротко сказал счетчик. – Я занимался ксенобиологией, это очень любопытный аспект...

– Лучше подумай о двух следующих джампах.

– Петр, если ты позволишь мне работать совместно с компьютером...

– Ну?

– Я выведу корабль к Земле с максимально возможной точностью.

Это было неслыханно. Это было настолько безумно, что в уставе даже не было прямого запрета. Скорее, наоборот, можно было притянуть за уши пункт о допустимости использовании помощи Чужих в навигационных расчетах.

Поставить бы на мое место господ чиновников...

– Хорошо, – чувствуя, что переступаю какой-то незримый порог, сказал я. – Как ты это сделаешь?

– Очень просто. – Рептилоид сполз с кресла, уступая мне место пилота, завис над пультом. – Мы часто работаем с электронными машинами.

– Но не с человеческими...

– Двоичный код? – Счетчик провел лапой над пультом. Медленно прижал ее к портам компьютера, прикрытым прозрачной крышкой.

– Снять? – спросил я.

Счетчик не ответил, а дисплеи тем временем начали гаснуть.

Вмешиваться было глупо. Я просто смотрел, как рептилоид отключает компьютер, как машина начинает перезагрузку и останавливается, не успев запустить операционную систему. Индикатор хард-диска часто мигал – информация куда-то уплывала. Видимо, в маленькую треугольную голову.

Интересно, как это – напрямую общаться с электронной машиной? Неужели это и впрямь нормальный метод коммуникации Счетчиков?

И как они тогда ухитряются оставаться эмоциональными существами? Я где-то читал, что любое существо, способное воспринимать информацию на уровне отдельных байтов, окажется эмоционально холодным – в нашем восприятии, во всяком случае. Слишком разным будет темп времени.

– Очень интересное программное решение... – сказал рептилоид, убирая лапу с пульта. Компьютер при этом не ожил – все так же тускло тлели дисплеи, и даже индикатор хард-диска погас.

– Какое еще решение?

– Навигационная система. Для такой слабой машины подобная точность и быстрдействие великолепны. Это человеческая разработка?

– Да, конечно.

– Вы очень способные, – покровительственно сообщил рептилоид.

– Ты собирався рассчитать координаты джампа.

– Я этим занимаюсь.

– И одновременно разговариваешь со мной?

– Это разные уровни сознания, Петр. Сознание внешнее и сознание внутреннее. На одном уровне происходит обработка больших массивов информации. На другом – активная материальная деятельность.

– И оба уровня работают параллельно?

– Когда это необходимо – например, сейчас, – то да. Если я нахожусь дома, в гнезде, то внешнее сознание лучше отключить. Если я лишен доступа к информации, то отключается внутреннее сознание.

– А какое сознание у тебя главное?

– Бессмысленный вопрос, – отрезал рептилоид.

Но я не унимался:

– Что развилось у вас раньше, Карел? Внутреннее или внешнее сознание?

– Ты ксенобиолог?

– Нет, но мне интересно.

– Внутреннее. Внешнее выработано искусственно. – Кажется, что счетчик ответил с большой неохотой.

И неудивительно. Он опять дал мне информацию о своей родине – то, что скрывала любая раса. Я попытался представить мир, в котором возникла подобная форма жизни. Мир, где не требовалось бороться с врагами, добывать пищу, укрываться от непогоды, создавать орудия труда. Мир,

где выживание зависело от скорости и точности обработки информационных потоков.

Что-то невообразимое.

Природа не создает уродливые формы жизни. Любое существо идеально в своей экологической нише. Хрупкие и огромные хиксоиды – короли жарких и безветренных степей Сириуса. Мыши-алари – порождение холмистых равнин Фомальгаута, они развивались в лабиринтах глубинных нор, им важны были подвижность и небольшие размеры.

Какая планета могла вызвать из небытия Счетчиков? Мир, опоясанный кольцом наподобие Сатурна, где требовалось обрабатывать и обрабатывать информацию, обмениваться ею – причем именно в электронной форме...

– Я закончил расчет, – сказал рептилоид. Мне показалось, что он смотрит на меня с иронией. Будто понимает, о чем я думал.

– Давай проверим.

Счетчик издал тихий скрежет. До меня не сразу дошло, что это смех.

– Петр, я взял из твоего компьютера *все*. Я выяснил идеальную посадочную глиссаду и наиболее удобный космодром. Я учел те гравитационные факторы и движения звезд, о которых люди просто не знают. Я проверил ресурсы корабля.

Он положил лапу на пульт, индикатор хард-диска замерцал.

– У тебя никогда не было такого идеального курса.

Основной дисплей дернулся и высветил навигационную таблицу. Компьютер с неуместной гордостью сказал:

– Расчет джампа закончен. Жду приказаний.

Под насмешливым взглядом счетчика я выбрал в меню «подробности».

– Джамп Земля – Земля, – сообщил компьютер. – Допуск – одна миллионная процента.

– Устраивает? – спросил счетчик.

Еще бы. Одна сотая была хорошим результатом, одна тысячная – редкой удачей и гарантией успешного джампа.

– Готовься, – забираясь в кресло, сказал я. И непроизвольно пожелал, чтобы счетчик все-таки что-нибудь напутал.

Конечно же, этого не случилось.

Был джамп – и полчаса на оживление корабля. Я поел, а рептилоид от человеческой пищи отказался наотрез. Иного ждать и не приходилось – в космосе нет существ с одинаковым метаболизмом.

Второй джамп привел нас к Земле.

Даже не потребовалось зажигать очередной фонарик – мы вышли в реальное пространство над дневной стороной, и планета исполинским прожектором плыла под кораблем. Очень, очень близко – я даже испугался. Прежде чем компьютер оживет, притяжение Земли может вытащить нас на нерасчетную траекторию.

Но опасения были напрасны. Челнок вышел из джампа на нормальной стабильной орбите. Я посмотрел на счетчика, который шипел и подергивался, отходя от джампа, хотел даже спросить, было ли это им задумано. И не стал.

Конечно же, да.

– Ты доволен расчетом, Петр? – спросил рептилоид.

– Прекрасный джамп, – признал я. – Мне... никогда бы не удалось так рассчитать траекторию.

Счетчик издал цокающий звук.

– Это не очень просто, Петр. Я давно тренировался в подобных расчетах. Мы предусмотрели любой поворот событий... даже тот, при котором мне пришлось бы самому вести корабль.

– Так вы давно готовились? – небрежно спросил я.

– Три года по человеческому времени.

Я молчал. Цивилизация Счетчиков потратила несколько лет на эту вылазку к Земле. Серьезная же игра у них идет...

– Петр, ты должен понять, мы хотим только хорошего – для нашей и вашей цивилизации. Четыре счетчика пожертвовали жизнью, прикрывая мое проникновение в твой корабль. Это... это очень много! Наша раса невелика!

Он уже освоился с невесомостью – ловко перебрался с джампера на пол, цепляясь коготками за мягкое покрытие, уселся в ногах. Повторил, вытягивая ко мне голову:

– Только хорошего мы желаем, Петр!

– Для хиксоидов хороша коллективная эвтаназия. Для ко-

од-дельдо – каннибализм. Как вы можете решать за нас?

– Мы изучали вашу историю! Ваше общество, мечты, религии, идеалы. Мы отбросили случайные факторы и выделили основные. Теперь мы сделаем вам предложение, от которого вы не сможете отказаться.

Я отмахнулся. Ладно, пускай делает. В конце концов, решать не мне. Через полчаса после посадки голова будет болеть у президентов, экспертов по Чужим и генералов сил космической безопасности...

Включив основной передатчик, я послал сигнал вызова. Прошло секунд десять, прежде чем мне ответили – по-русски, но с легким английским акцентом. Видимо, уже прочли код позывного и поняли, с кем имеют дело.

– Орбитальный контроль, видим вас.

– «Трансаэро», борт тридцать шесть – восемнадцать. Возвращаюсь с Хикси, Сириус.

Пауза.

– Хорошая траектория. Как полет?

– Прекрасно. – Я терпеливо ждал. Челнок уже взят на прицел радарами, а может, и не только радарами – кто знает, что из баек о СКОБе ложь, а что правда. Смешно думать, что десяток их спутников и пара орбитальных станций способны оказать сопротивление кораблю Чужих. Но налог на СКОБу все платят без возмущений. Говорят, даже уклоняющиеся от любых налогов российские бизнесмены вносят анонимные пожертвования.

Мы всегда боялись неба. Это в человеческой крови – страх перед бесконечной пустотой, сквозь которую плывет Земля. Люди готовы есть дрянную пищу и лечиться в разваливающихся больницах, лишь бы знать, что над ними, в бесконечном небе, кружат несколько железных песчинок с рентгеновскими лазерами...

– «Трансаэро», все в порядке. Передаем тебя русским.

– Пока, СКОБа.

Дежурный офицер не успел ответить или не счел нужным.

Вместо него возник другой голос:

– «Трансаэро», с возвращением! ЦУП на связи.

– Привет, Земля, – сказал я, глядя на белесо-голубую равнину над головой. Мы летели над Африкой – связь шла то ли через российский корабль космической связи, то ли через один из штатовских ретрансляторов. Сейчас мы сотрудничаем очень плотно... иначе нельзя.

– Хорошо идешь, – одобрил меня невидимый оператор. – Значит, так. Меня зовут Максим, я веду тебя до космодрома. Будешь садиться на Свободном.

– На Байконуре – никак? – Я покосился на навигационный экран, где уже крутился глобус, покрытый сеткой моей орбиты. Вроде бы траектория позволяла...

– Байконур занят. Обе полосы. Если очень постараться, то выведем тебя на Саратовский-резервный, но какой смысл?

– Хорошо, Земля. – Спорить было бессмысленно. В Китае нас стараются без нужды не сажать, все-таки лишние налоги

в казну чужого государства. А резервная посадочная полоса близ Саратова – будущий космодром «имени Юрия Гагарина» – еще не доведена до ума. Я там ни разу не садился, но ребята рассказывали.

– У тебя двадцать пять минут на перекур. Ты сейчас выходишь из зоны связи, мы берем тебя вновь в апогее, над Аляской, и сразу начинаем торможение.

– На корабле все в порядке? – поинтересовался я. Телеметрия с борта начинает передаваться автоматически, и операторам куда виднее, как «птичка» перенесла джамп.

– Все хорошо, – успокоил Максим. – Отдыхай. До конца сеанса – тридцать секунд.

– Я с гостинцем лечу... – буркнул я, покосившись на счетчика.

Оператор тихо засмеялся:

– Ну, надеюсь, что не порожняком. Компания уже закидала нас запросами, видимо, контракт...

Голос оборвался резко, словно ножом обрезали. Автоматика вытягивала слабеющий сигнал до последнего, а потом просто отключила связь. При желании я мог связаться со СКОБой – их станции перекрывают весь горизонт, но зачем...

– Не о том гостинце речь, – сказал я в пустоту. Посмотрел на счетчика: – Готовься к шуму, Карел. Скоро такое начнется...

– Не надо, – быстро сказал рептилоид. – Этого не нужно!

Моя миссия не рассчитана на общение с официальными лицами!

– Да? – Я засмеялся. Покачал головой. – А на что ты надеялся, счетчик?

– Карел, а не «счетчик»! – Рептилоид замотал головой. – Слово «счетчик» оскорбительно, Петр!

– Почему? Это не наша выдумка, все Чужие зовут вас так.

– А людей они зовут извозчиками. – Рептилоид указующе протянул ко мне короткую лапку. – Петр, узкая функция – это клеймо! Спасение для Слабой расы, но и проклятие. Тот, кто не сможет выйти за рамки, наложенные природой, всегда будет слугой!

– Извини. – Я и впрямь смутился. – Ладно... Карел. Как скажешь. Но я все равно должен сообщить о тебе на Землю.

Казалось, рептилоид задумался.

– У нас есть десять с половиной земных суток, – сообщил он наконец. – В течение этого времени наши расы должны выполнить хадж.

– Что?

– Хадж. Паломничество. Подвиг. Служение. Очень многослойное понятие, трудно перевести однозначно.

Он говорил быстро-быстро, словно нервничал:

– Петр, я уже объяснял – мне необходимо встретиться с Андреем Хрумовым. Ты можешь присутствовать при разговоре. Ты поймешь. Официальные каналы слишком медленные!

– Конечно, медленные! Но откуда мне знать, чего ты *действительно* хочешь? Может быть, тебя послали убить деда!

– Нет! Мы не убиваем! Никогда! – Счетчик даже дернулся от такого предположения. – Петр, ты позволил мне управлять кораблем – и все прошло хорошо. Доверься еще раз!

– Это просто невозможно.

– Почему?

– «Черный ящик», например. Все разговоры на борту записаны. Их прослушают и узнают, что я летел не один.

– Записи я изменю, – небрежно сказал счетчик. Я хотел было объяснить ему, что это невозможно – магнитофон на стальной проволоке, упрятанный в герметичный контейнер, просто не управляется снаружи... И осекся.

А зачем – снаружи? Хилая лапка ложится на броню... и мотор оживает. Бобины отматываются назад. Стираются все наши разговоры, добавляются невинные звуки и междометия – скучающий пилот разговаривает сам с собой.

Он сможет, пожалуй.

– Невидимым ты тоже умеешь становиться? – Я даже не иронизировал. Просто вспоминал процедуру досмотра и контроля. Рентгеновские «воротца», тепловые детекторы, сканирование сетчатки и прочее, чем встречает космодром рейсы с чужих миров.

Будь даже счетчик размерами с котенка, я не смогу протаскать его мимо контроля.

– Невидимым? Нет. Но контроль мы преодолеем.

Я покачал головой.

– Петр, три года моя раса готовила эту миссию. Все будет хорошо!

Почему-то мне хотелось ему верить...

– Карел, нет...

– Я не причиню вреда!

– Нет. Это преступление, понимаешь? Даже если ты не лжешь, меня отдадут под трибунал.

– Победителей не судят, Петр. – Счетчик оттолкнулся от джампера, плавно подплыл ко мне, приземлился на коленях. Вытянул морду к самому лицу и просительно повторил: – Поверь... поверь мне. Судьбу Галактики решаешь сейчас ты!

Я даже головой замотал.

– Это слова...

– Это правда! Петр, если ты откажешься, то через месяц Земли не будет! Не будет... и моей планеты – тоже!

Глава 3

Над Аляской ЦУП снова восстановил связь.

– «Трансаэро», мы начинаем.

– Хорошо, Земля.

– Все в порядке?

Я отвел глаза от рептилоида, прежде чем ответить:

– Да.

Вот так, наверное, и становятся предателями. Поверив Чужому. Все равно, человеку ли в иноземном мундире или говорящей ящерице. Не из страха, не из корысти – из самых благих намерений.

Впрочем, у счетчика все равно нет шансов. Он не представляет себе систему безопасности космопорта... я и сам ее плохо представляю. Ровно настолько, чтобы понимать – посты не минуешь.

Челнок подрагивал, разворачиваясь. Земля переместилась под ноги. Теперь «Спираль» летела дюзами вперед, готовясь дать импульс на торможение.

– Первый, – сказал диспетчер. Меня потянуло из кресла, когда двигатель ожил. Он отработал секунд семь, прежде чем наступила пауза.

Пока компьютер обрабатывал новую траекторию, я посмотрел на счетчика. Разговаривать нам больше было нельзя – он уже «подправил» записи «черного ящика», сделав это

именно так, как я и представлял. Возложив лапки на пульт... Он и сейчас сидел в этой же позе, примотанный тонким тросиком к скобам на кожухе джампера. Динамические операции – это не старт на гравитационном луче Чужих и не прыжки сквозь изнанку Вселенной. Перегрузки неизбежны.

– «Трансаэро», мы повторяем, – сообщил диспетчер.

Мне показалось – или его голос изменился?

– Как траектория, Максим?

– Чуть нестандартная... – Он явно колебался. Было еще время вернуться на стабильную орбиту. – Корректируем. Второй импульс через девять секунд, продолжительность – три и пятнадцать сотых...

Счетчик посмотрел на меня. И медленно, старательно подмигнул серым веком.

Что это он...

Дрожь корпуса, гул двигателя. Тишина.

– Максим... – Я старался говорить спокойно. – По моему пульту – импульс три и четыре десятые секунды. Тяговый момент расчетный.

Диспетчер молчал секунд пять.

– «Трансаэро», у нас те же данные. Мы считаем.

– Траекторию!

– Не волнуйся. Ты в пределах посадочного коридора.

Уже что-то... по крайней мере не сгорю и не отрикошетирую от атмосферы. Протянув руку, я слегка толкнул счетчика – пусть будет наготове. Сейчас его способности могут

понадобиться.

– Петр! – Диспетчер вдруг обратился ко мне по имени. – Тыходишь в атмосферу нормально.

Я шумно выдохнул.

– У тебя проблемы на участке планирования. Ты... промахиваешься.

Участок планирования...

Это пусть журналисты пишут о гордо парящих челноках, заходящих на посадку с полными трюмами. Челнок планирует с грацией чугунного утюга. Даже пассажирский самолет с отказавшими двигателями обречен на падение – и это с его нормальными крыльями. А уж с моими раскладными плоскостями, способными едва-едва корректировать полет...

Падаем мы. Не летим, а, как говорилось в одном мультике, «красиво падаем». Прямо на идеальные, залитые полуметровым слоем бетона, полосы космодрома. Падаем, превращая кинетику орбитальных скоростей в подобие полета.

– Насколько промахиваюсь?

Я спросил, и в тот же миг мой компьютер ухитрился довести до конца свой расчет. Диспетчер подтвердил:

– Около ста километров, Петр.

Сглотнув, я сказал:

– Жду указаний, Земля.

– На стабильную орбиту ты уже не возвращаешься. Главное, сохраняй спокойствие, Петр. Мы ведем тебя.

– Куда? В Китай, на сувениры?

– Ты... приземляешься около Благовещенска...

– Падаю около Благовещенска! Или на этой неделе там построили новый космодром?

– Петр, сохраняй спокойствие, мы ищем варианты.

– Понял.

Я ждал. Приземление уже началось. Путь к Земле необратим – запас горючего в «Спирали» очень и очень ограничен. Все, что я сейчас могу, – это чуть-чуть корректировать траекторию.

– «Трансаэро», мы берем управление. Держись.

Снова гул двигателя – короткий, он выложился до конца, сожрав в последнем импульсе остатки горючего. Осталась самая малость – для атмосферных маневров.

– Петр?

Я смотрел на дисплей. Предполагаемая точка посадки сместилась – от Благовещенска к Свободному... но не до конца.

– Мы скорректировали траекторию...

– И что?

Пауза. И беспощадный ответ:

– Не на город же тебе садиться.

– Спасибо, – прошептал я.

– Петр, мы поднимаем вертолеты...

– Спасибо, – повторил я. Челнок снова дрогнул, разворачиваясь носом вперед. Меня даже не предупредили о маневре.

– Петр, тебе придется сажать машину вручную. Слушай меня внимательно... – Диспетчер глотнул воздуха. – По линии твоего приземления проходит автомагистраль...

Я засмеялся – а как тут было не засмеяться? Сажать двадцатитонный «лапоть» на плохо асфальтированную дорогу?

– Это хорошая магистраль, Петр...

А то я не знаю наши дороги.

– Иного выхода нет, пилот.

Конечно, нет. На «Спирали» не предусмотрена система аварийного спасения. Зачем перегружать челнок, когда так много желающих занять место пилота, а каждый килограмм иноземного дерьма стоит немислимые деньги?

Челнок начал легонько подрагивать – первое, еще нежное, касание атмосферы.

– Идите вы все к черту!

Они сознательно провели эту последнюю, безумную коррекцию курса, практически лишив меня возможности управлять челноком. Чтобы отвести удар от города. Чтобы у меня не было иного выхода, кроме как сажать «межзвездный» корабль на разбитое шоссе.

– Мы перекрываем магистраль, через полчаса она будет чистой.

Он так старательно говорил «магистраль», этот незнакомый мне мужик из ЦУПа. Сразу представлялись сверкающие, прямые, как стрела, западные автострады.

– Связь уходит. Держись, Петр.

Вокруг челнока разгоралось свечение ионизированного воздуха. Нос корабля начал медленно приподниматься, принимая основной удар плазмы на бронированное брюхо. И все равно на сверхпрочном жаростойком стекле переднего иллюминатора плясали огненные змеи.

– Приплыли, дружок, – сказал я, повернувшись к счетчику.

Это – судьба.

И она, наверное, права. Исправляет мои ошибки, мою слабохарактерность. Не пускает на Землю врага, сумевшего заморочить голову неопытному пилоту...

Счетчик улыбался. Словно его не пугали ни огненная буря вокруг, ни неминуемое крушение при посадке, ни дикая ошибка в отработанных программах приземления...

Ошибка в программах?

– Гад! – завопил я, рвась из кресла. – Скотина!

Самый простой способ миновать контроль космопорта – приземлиться за его пределами.

Сумей я сейчас встать, я разорвал бы счетчика на куски голыми руками. Но перегрузка уже давила, вырывая из ремней, стремясь бросить на хрупкую начинку пульта.

Нет уж.

Нет.

Но на что он может надеяться, чешуйчатый инопланетянин Карел? Удар при посадке будет слишком силен...

Впрочем, откуда я знаю, какую перегрузку способно вы-

держать это тело?

В рвущемся огненном саване «Спираль» неслась к Земле.

Счетчик скосил на меня глаза. Ему приходилось куда хуже – вместо удобного анатомического кресла с широкими ремнями – стальной трос через талию...

Дисплей замерцал – оранжевым призывным светом. Я посмотрел на экран – поверх траекторных расчетов медленноплыли строчки:

«Петр, все хорошо. Говори, но не обращай ко мне лично. У нас не будет времени на повторную чистку записей».

Как ни странно, но я подчинился.

– Челнок не может приземлиться вне космодрома, – сказал я.

«Ты сможешь».

– Нет, это невозможно!

«Ты хороший пилот».

– Двадцать тонн! Нужна специальная полоса!

«Молчи! Молчи!»

Я замолчал. Челнок трясло – не слишком сильно, привычно. В иллюминаторах бился огонь. Как правило, в такие минуты делается не по себе – теплозащита надежна, но уже дважды шаттлы гибли при посадке. Прогорал какой-то участок или отслаивалась керамическая плитка и плазменная струя врывалась внутрь.

Но сейчас мне угрожала куда более реальная беда.

За всю историю космонавтики челнокам не приходилось

садиться на неприспособленные площадки. Лишь специальные полосы, лишь лучшие из военных аэродромов – для аварийных посадок, лишь выглаженные самой природой глади пересохших соляных озер.

Но не дорога.

Я вспомнил старую, советских времен комедию, где пассажирский самолет опустился на шоссе. Эту сцену снимали на аэродроме – обычное дорожное покрытие не выдержало бы.

В чем я сейчас удостоверюсь на практике.

Как странно все происходящее ныне в мире. Межзвездные полеты, чужие цивилизации стали реальностью. И ничего – ничего не изменилось! Те же раздолбанные шоссе, по которым ползут «КамАЗы» и «жигули», те же мыльные оперы по телевидению, протекающая сантехника и сопливые по весне носы.

Будущее коснулось настоящего, снисходительно потрепало по плечу и улеглось отдыхать.

Двадцать процентов населения Земли работает на космос. Строит корабли, готовит топливо, сооружает смехотворные орбитальные крепости, пытается справиться с обезумевшей от ракетного бума экологией.

А мне предстоит садиться на оплывший от жары асфальт.

– Прощай, – сказал я счетчику. Тот промолчал – не только вслух ничего не произнес, но и к компьютеру подключаться не соизволил.

Ладно.

Огненный шторм вокруг челнока уже утих, теперь мы просто неслись в стратосфере, на высоте двадцати с небольшим километров, словно обычный сверхзвуковой самолет... с неработающими двигателями. Я отключил автоматику, взялся за штурвал. Осторожно качнул челнок – он слушался рулей неплохо, на такой скорости давление набегающего воздуха компенсировало разреженность.

Будь в баках хотя бы обычный резерв горючего, я бы попытался сманеврировать и сесть на космодром. Но баки были почти сухими.

Минут через десять мы уже спустились до облачного слоя, и в этот момент восстановилась связь.

– «Трансаэро», ответьте... – устало повторял диспетчер.

– Я на связи.

– Борт тридцать шесть – восемнадцать! Видим вас!

– Очень рад, – сказал я.

– Петр, вертолеты в воздухе, в точке твоей посадки дорога расчищена. Ты идешь прямо по направлению трассы, у тебя неплохой шанс.

Я не стал уточнять проценты этого шанса. Не лучшее время для ругани.

– Что советуете, Земля?

– Петр, на связи Александр Данилов, – сказал диспетчер. И тут же в разговор вступил другой голос. Немного мне знакомый. Лучшего пилота «Трансаэро» Данилова я видел раза

три. Сейчас он водил «Бураны», но начинал со «Спирали».

– Петр, времени на соболезнавания нет, – начал он. – И постарайся, чтобы они не понадобились. Через десять минут ты пролетаешь над космодромом. Еще через две, на высоте около пяти километров, оказываешься над дорогой.

По крайней мере он не сказал «над магистралью»...

– Дорога хреновая, – безжалостно сообщил Данилов. – Я по ней ездил. Но тот участок, где ты снижаешься до нуля, относительно в порядке... там часто ездят китайские торговцы, маленько подлатали покрытие. На автоматику рассчитывать не приходится. Какой у тебя опыт полетов?

– Два с инструктором, семь самостоятельных. Все на «Спирали». – Я сглотнул и добавил: – Все посадки на автоматике...

– Это я знаю. Военный налет?

– Девять полетов.

– На чем летал?

– На «сушке», тридцать седьмой.

– И то хорошо. Запомни, «Спираль» все-таки управляема вручную, очень медленно слушается рулей на посадке, но все возможно. Я садился вручную дважды.

– Дорога широкая? – спросил я. От ровного злого голоса Данилова оцепенение проходило.

– Пять метров. Могло быть и хуже. Если опустишься четко, то колеса в кювет не попадут. Прокатись хотя бы метров сто, чтобы сбросить скорость. Тогда у тебя все шансы уце-

леть, когда скатишься с шоссе.

– Люди есть на дороге?

– Уже нет. Ее действительно очистили, не волнуйся.

– Саша... – От волнения я потерял всяческий пиетет. – У меня реально есть шанс?

– Небольшой, но есть. Я сейчас в вертолете... да, вижу тебя! Посмотри вниз... черт, у тебя нет такого обзора... Космодром видишь?

Я видел. Впереди и очень далеко внизу.

Когда я сел на Свободном, то на такой высоте над ним, конечно, не пролетал...

– Ты ровно идешь, – утешил меня Данилов. – Эта «птичка» еще полетает. Тебе выдали расчет курса?

– Да, – глядя на дисплей, ответил я. – Две коррекции?

– Одна, чтобы выйти на ось дороги, другая перед касанием.

– У меня хватит топлива лишь на одну.

Данилов секунду молчал, потом решил:

– Выполний первую, иначе промахнешься вообще. Дальше будешь планировать.

– Понял.

– Все, работай, – бросил Данилов. – Ветра практически нет, видимость идеальная. Я на связи, но больше тебе не мешаю. Всем молчать!

Я проводил взглядом оставшийся по правому борту космодром. Четыре главных старта для челноков, три малень-

ких для спутников. Две прекрасные, широкие, оборудованные на славу полосы. Пятнышко вертолета в небе. Я мысленно помахал Данилову рукой.

Счетчик молчал, лишь подергивал лапой по кожиху джампера. Слабый шорох отвлекал, я зло глянул на рептилоида, и тот затих. Похоже, понял.

Расчет на последнюю коррекцию уже был в компьютере. В общем-то использование маршевого двигателя в атмосфере не рекомендуется. Но мне терять нечего.

Я дал подтверждение на маневр, и через несколько секунд двигатель автоматически включился. В атмосфере он работал как-то натужно, взхлеб... а может быть, мне это уже мерещилось... Двухсекундный импульс – челнок слегка дернулся, вообразив, что научился летать, потом продолжил падение.

По крайней мере мы действительно шли над дорогой. Господи, неужели в России научились прокладывать дороги прямо, не обходя каждый холмик? Или эта осталась с царских времен?

Высота уже упала до километра. Впереди, по обочине дороги, мелькали коробочки машин. Надо же, действительно очистили трассу...

Скорость, вот мой главный враг. Триста с лишним километров в час – ничто по космическим масштабам. Но для обычной дороги и это непозволительно много.

Я качнул челнок, проверяя, как слушаются рули. Маши-

на отозвалась на удивление неплохо. На экране компьютера желтая линия – моя траектория – отклонилась от зеленой. Я вновь вернул «Спираль» на ось дороги. Безумная надежда, что мне все-таки удастся приземлиться, стала чуть менее безумной. На дорогу меня вывели настолько великолепно, словно отработывали этот маневр давным-давно.

Счетчик опять начал скрести кожух. Но уже не было времени отвлекаться. Дорога была в сотне метров под нами, и высота стремительно падала. Я пытался разглядеть, ровно ли иду, но компьютер уже был бесполезен, а обзор из кабины «Спирали» никогда не отличался шириной. В последний момент я все же повернул челнок правее.

В тот миг, когда машина наклонилась, я заметил сразу две вещи. Во-первых, интуиция не подвела, я и впрямь рисковал завалиться в кювет, не будь этого последнего маневра. Вторая новость была куда хуже – в полукилометре впереди дорога резко сворачивала, огибая невысокую, заросшую деревьями сопку. И мало того, навстречу мне ехала машина!

Разницы между тем, куда я врежусь, для меня, впрочем, не существовало. Шесть секунд, и...

Челнок тряхнуло, когда шасси коснулось асфальта. Он сразу пошел юзом, как машина на льду, разворачиваясь левым крылом вперед. В приступе бессмысленного рвения я выправил космоплан. Впереди разворачивалась машина – огромный обшарпанный «Икарус». Шофер, увидев несущийся на него звездолет, не растерялся, а ухитрился затор-

мозить и стал разворачиваться.

Господи, вот это бред! Челнок трясся, подскакивая на дороге, но пока ухитряясь не слететь в кювет и не перевернуться на одной из многочисленных колдобин. Впереди улепетывал, выжимая из мотора все силы, автобус. Да что он творит, я все равно быстрее, догоню! Выскакивал бы, выводил людей... нет, не успеть... так хоть съехал бы с дороги, может, кто жив бы остался...

Я еще попытался согнать «Спираль» с дороги. Хоть на обочину, хоть в сопку – лишь бы не в автобус! В голове вдруг всплыл пронзительно-трагический голос полузабытой певицы: «А город подумал – ученья идут...»

Но челнок явно не разделял мою готовность к самопожертвованию. Он уже не скакал, а мчался по дороге, примирившись с асфальтом под колесами. Российские звездолеты – самые надежные в мире!

Автобус набрал-таки изрядную скорость, и расстояние сокращалось так медленно, что я успел заметить номерной знак: «06–31», выхлопную трубу, выплевывающую густой сизый дым, привязанное сзади мятое ведро и надпись: «Не уверен – не обгоняй!»

Вот мы и не стали обгонять, а врезались в автобус...

Меня рвануло в ремнях, челнок содрогнулся, вставая на дыбы. Обшитый керамикой нос «Спирали» оказался покрепче прогнившего железа. Челнок въехал в автобус до половины, пока крылья не задержали его стремительного про-

движения.

Пару секунд мы ехали этим неожиданным тандемом, потом, снеся редкие бетонные столбики, стали преодолевать сопку. Где-то на десятом дереве и автобус, и космолет примирились с преградой и остановились.

Вот тут трянуло так, что я на мгновение отключился. А когда глаза удалось открыть, то с удивлением понял, что еще жив. Нос «Спирали» смялся, кабина сморщилась, как гармошка, но почему-то уцелели все стекла и работало освещение. На завалившемся джампере возился счетчик, отвязывая страховочный тросик. И как его не разорвало напополам?..

Я потряс головой, пытаюсь прогнать из глаз кровавую муть.

А потом все у меня внутри похолодело.

Кровь была не в глазах. Все стекла «Спирали» были покрыты багрово-красным месивом.

Боже!

Я сорвал ремни, выкарабкался из кресла, шатаясь пошел в шлюз. Счетчик, привстав на кожухе джампера, шлепнул меня лапкой по руке, словно останавливая, но мне было не до него. Челнок подрагивал, видимо, сползая вниз по склону. Дверь в шлюз открылась с третьего рывка, потом я рвал рычаг аварийного выхода. Люк поддался не сразу, но я все же справился – ужас придал силы.

Воздух был прохладным и сырым, от горячей обшивки валил пар. Вокруг топорщился покореженный соснячок, от

«Икаруса», замершего впереди, несло гарью. Я спрыгнул с двухметровой высоты, поскользнулся на мокрой траве, пошатываясь побрел к автобусу. Часть стекол тоже уцелела, лишь покрылась паутиной трещин, сквозь которые проглядывала все та же багровая каша.

Только бы не дети! К горлу подкатил комок. Я дрожащими руками расстегнул кобуру. Застрелиться, как положено офицеру...

Со скрипом открылась дверь автобуса, на землю вывалился тощий небритый мужик в тренировочном костюме. Потряс головой, окинул взглядом смятый автобус, потом меня. Поднялся. В руках у него была монтировка.

– Космонавт хренов! – завопил он. – Разлетались, мать вашу!

– Сколько? – только и смог спросить я. Ноги не держали, матушка Земля укоризненно тянула прилечь. – Сколько... там?

Я кивнул на смятый автобусный салон, стараясь не смотреть лишний раз на заляпанные стекла.

– Восемьдесят! – взвыл водитель, и у меня все внутри обрвалось. Точно, детей подавил... – Восемьдесят ящиков, гад! Мне ж теперь не расплатиться!

Прежде чем я осознал эти слова и понял, что людей в ящиках не возят, водитель со своей монтировкой почти подобрался ко мне.

– Стой! – крикнул я, выхватывая пистолет. – Я майор ВВС

России Петр Хрумов! Имею право применять оружие! Не приближаться!

Водитель выронил монтировку, сел на склон и заныл, обхватив голову руками и раскачиваясь. До меня донеслось что-то о китайских подрядчиках, вырастивших помидоры, о жителях Хабаровска, которые без этих помидоров жизни не мыслят, о несчастном «Икарусе», который водителя кормил, поил, а теперь только в металлолом и годен. Но сил посочувствовать не было. Помидоры! Восемьдесят ящиков! Да хоть весь китайский урожай этого года!

– Какого черта ты в автобусе помидоры вез? – спросил я.

– А в чем еще, у меня «КамАЗа» нет!

– Да успокойся, тебе выплатят компенсацию!

Водитель прекратил ныть, приподнял голову. Недоверчиво спросил:

– Точно?

– Выплатят! – подходя к автобусу, пообещал я. Выглядело все кошмарно. Я наклонился, соскреб с травы багровую кашу, поднес к лицу, чувствуя себя начинающим вампиром. Точно, помидоры...

– Так это из-за тебя дорогу перекрывали? – спросил водитель со спины.

Я, не оборачиваясь, кивнул.

– Блин... а я думал, снова на железке цистерны рванули... – промямлил водитель. – Вечно, как ваша горючка рванет, так весь район оцеплен...

– Что, часто рвется? – заинтересовался я.

– Раза два в год...

Да, понятное дело. Ракеты-носители летают на очень токсичном топливе. А стартов много, а цистерны старые, а персонала обученного вечно не хватает... Я вздохнул:

– Если б не твоя колымага, конец мне...

Водитель покосился на дорогу, поскреб щеку.

– Уж точно, ты гнал будь здоров... Километров двести?

– Посадочная скорость – триста пятьдесят.

Водитель пощелкал языком, тон его сразу изменился. Теперь я был не залетным космонавтом, а почти коллегой.

– Ну, я больше ста здесь держать не рискую... У меня движок – совсем барахло. Конечно, у вас-то... – Он осекся, оглядывая челнок, сплюнул, пробормотал: – Крепко я головой приложился... Тебя как зовут, космонавт?

– Я же говорил, Петр!

– Петя... А я – Коля.

Я машинально пожал протянутую мне руку. Нас сейчас можно было снимать для агитационного плаката компартии – полное единство армии и народа. Вот только челнок, хищно пронзивший носом автобус, пришлось бы заретушировать – какие-то неправильные ассоциации возникали.

– Ты откуда прилетел? – поинтересовался водитель.

– С Сириуса-А-восемь. Планета Хикси.

– Знаю! – оживился Коля. – Видел я Сириус! Мне сынишка показывал, он в кружок астрономов ходит, сам телескоп

собрал, маленький такой... Тоже космонавтом хочет быть.

Он подошел к челноку вплотную, боязливо притронулся к обшивке и с руганью отдернул руку. Конечно, керамика еще не остыла, градусов сто – двести точно есть.

– Горячий, мать его! – взвыл Коля. – У меня ж все помидоры поджарятся! Помоги, выгрузим!

Я укоризненно посмотрел на водителя, и Коля махнул рукой:

– А... ладно. Что уж теперь... Эй, а он не излучает?

– Корабль? Нет, не бойся. Радиация чуть выше фоновой. Не опасно.

Водитель закивал:

– Верно, чего нам бояться, после такого дела... Петя, так ты, считай, заново родился!

– Угу.

– Это... отметить надо бы?

Я так растерялся, что не нашелся, что ответить. Водитель, приняв мое молчание за согласие, метнулся в кабину и через минуту возник с початой бутылкой водки, стаканом и куском сала, завернутым в «Литературную газету».

– Только ты подтверди потом, как гаишники приедут, что я трезвый был! – раскладывая на травке газету, попросил Коля. – Это сейчас только... стресс снять...

У меня возникло легкое сомнение, был ли Коля трезвым и зачем ему понадобилось так поспешно прикладываться к бутылке. Но я промолчал. В конце концов, мне его автобус

жизнь спас.

Мы уселись, Коля сунул мне стакан, налил, и в этот момент послышался стрекот вертолета.

– Мои летят, – сообщил я, привставая.

– Ты давай, давай! – засуетился Коля. – Вот... хочешь помидорку принесу?

Он бросился к автобусу и стал выбирать из давленной каши под колесами целый помидор. В этот момент вертолет, низко идущий над дорогой, показался в поле зрения. Как ни странно, это были не спасатели: из открытой двери торчал зрачок телекамеры. Оператор, пристегнутый за пояс, жадно снимал картину дорожно-транспортного происшествия.

– Это наши, хабаровские телевизионщики... – сообщил Коля, протягивая мне помидор. – На, закуси!

Я машинально глотнул водки и откусил помидорину. Овощ китайцы вырастили хороший, вкусный, а вот водка драла горло, как керосин.

Коля сразу расслабился и довольно подмигнул мне.

– Нам теперь гаишникам попадаться нельзя! – доверительно сообщил он. – Так что пускай твои прилетают и нас обоих увозят! У меня стресс, мне отдыхать теперь надо!

Вот оно что.

– Да не пугайся, какое, к черту, ГАИ, тут ФСБ будет разбираться! – успокоил я его.

Вертолет по-прежнему кружил над дорогой, не делая никаких попыток опуститься и предложить помощь. Мы выпи-

ли еще по чуть-чуть, когда прилетели спасатели – два легких вертолета, выкрашенных в оранжево-белую полосу, и камуфлированный армейский Ка-72. Репортеры немедленно смылись, словно опасались, что в них пустят ракету. Военный вертолет начал описывать над сопкой круги, а из приземлившихся спасательных к нам бросились люди. Несколько врачей, два автоматчика и сам полковник Данилов. Я поднялся, отмахнулся от докторов и отрапортовал:

– Докладываю – аварийная посадка проведена успешно. Жертв нет, груз цел. Состояние корабля удовлетворительное...

Данилов молча сгрел меня в объятия. Был он здоровый, кряжистый сибирский мужик, выше меня на голову.

– Ну, Петр, ну отмочил... – пробормотал он. – Зараза, сел ведь! Сел, сел!

– Вот... автобус удачно подвернулся...

Данилов покосился на «Икарус», сморщился и повторил мой вопрос:

– Сколько там?

– Помидоры там, товарищ полковник. Жертв нет.

– Ну, Петя... – Данилов недоверчиво уставился на томатную пасту, заляпавшую окна. – Сверли погоны...

По-прежнему обнимая меня за плечо, он пожал руку оробевшему шоферу. Видимо, военная форма производила большее впечатление, чем мой полетный комбинезон.

– Благодарю вас.

– Да что там... – замахал руками водитель. – Вижу – летит! Прямо в сопку! Ну, думаю, хрен с ними, с помидорами, человек дороже! Принял на борт... хм... ну...

Он смущенно потупился. Ай да Коля!

– Я лично распоряжусь о представлении вас к награде, – пообещал Данилов. – Убытки компенсируем.

Водитель расцвел, а Данилов кивнул терпеливо ждущим врачам:

– Нет вам работы! Слыхали? Нет!

Те огорченными от этого известия не выглядели. Между тем полковник подхватил с земли бутылку, глотнул, сморщился и принялся отдавать приказы. Минут через пять с военного вертолета высадили еще троих солдат, в сторонке развернули полевую рацию.

– Собирай вещички. – Данилов махнул рукой. – Да, впрочем, бог с ними... Нечего тебе здесь киснуть. Летим домой.

Я кивнул, оглядываясь на челнок. Да какие у меня, собственно, вещички? Пара сувениров, смена белья...

Счетчик!

Это было как удар под дых.

Словно пелена слетела с сознания.

Счетчик!

Вот мы врезаемся в автобус, вот я бегу в шлюз – пока рептилоид распутывает тросик.

Где он?

– Александр Олегович... – прошептал я. Данилов нахму-

рился. – Александр Олегович, там...

Данилов схватил меня за руку и молча потащил к челноку. Под открытым люком уже стоял автоматчик, но внутрь еще никто не заходил.

– Чего трап не спустил? – спросил он, примеряясь к об-
резу люка.

– Торопился... – виновато прошептал я.

– Торопливость, Петя, она знаешь, когда хороша... под-
соби!

Под любопытным взглядом автоматчика я подсадил Да-
нилова, тот подтянулся и скрылся в люке. Через пару мгно-
вений вниз медленно пополз трап.

– Давай... – донеслось до меня.

Данилов никуда не ушел из шлюза. Когда я поднялся, он
открыл люк грузового отсека и задумчиво оглядывал штабе-
ли кортризона.

– Александр Олегович, я должен вам сказать... – полуше-
потом начал я.

– Ничего ты не должен, – не оборачиваясь, сообщил Да-
нилов. – Петр, все пилоты хоть раз да возили контрабанду.
Я все понимаю. Бери свои вещи, и уходим.

– Но я же совсем не то имел в виду!

– Быстро! – гаркнул Данилов. – Я осматриваю груз. Ты
собирай вещи.

Как загипнотизированный я поплелся в рубку.

Мерцающие огоньки пульта. Перекошенный цилиндр

джампера. Томатные потеки на стеклах кабины. Раскрытый шкафчик, из которого выпал пакет с чистым бельем.

На всякий случай я заглянул во все отделения шкафчика и в холодильник.

Почему я не удивлен, что счетчика нигде нет?

Да, конечно, это был шок – когда я врезался в автобус. Да, еще большим облегчением стали слова шофера.

Но почему я так легко забыл – напрочь забыл! – о счетчике?

Я вспомнил последний миг, когда видел его. Быстрое касание когтистой лапы... Той самой лапы, что так легко стирала память компьютера.

Человек не машина. Но есть ли эта разница для счетчика? Он заставил меня забыть, пусть на время, о своем существовании! А потом, пока я распивал с шофером водку и закусывал китайскими помидорами, – ушел!

Я понимал, конечно, что надо делать. Рассказать все Данилову, пусть район перекрывают. Облава... солдаты, собаки, вертолеты, мобилизованные местные жители. Найти чешуйчатого Карела!

Нет, я, конечно, человек слегка наивный, сам знаю. Но не настолько же...

Кто мне поверит? Никаких следов Чужого в челноке уже нет. У меня наверняка обнаружат все признаки сотрясения мозга и нервного стресса. Для проформы слегка прочешут местность – и никого не найдут. Счетчик действительно

все рассчитал! Сейчас он может лежать, зарывшись в грунт, или какими-то немислимыми метаморфозами принять облик кабана, дерева или камня... А может быть, он несется сейчас вдоль дороги со скоростью триста километров в час. Что мы знаем о Чужих, тем более – о таких редких, как счетчик?

Меня ждет больница и снятие с полетов. На всякий случай. Небольшая пенсия, работа военруком в школе или инженером на заводе или шофером. Буду ездить, как Коля, с грузом финских йогуртов или польской тушенки, и рассказывать новым приятелям байки о далеких мирах.

– Собрался, Петя? – Рука Данилова легла на плечо. Я вздрогнул.

– Д-да... почти.

Под его добродушным взглядом я подхватил куртку, пакет с сувенирами – абсолютно законными, а никакой не контрабандой! По привычке подошел к пульту и заглушил все системы корабля. Теперь им займется аварийная команда.

– Вряд ли эта «птичка» поднимется в небо, – сухо сказал Данилов.

Я сглотнул, оглядывая маленькую кабину. Что ни говори, а двенадцать рейсов сделано... привык я...

– Не переживай. Хватит тебе на «лапте» летать. Я помогу. Если хочешь, пойдешь вторым пилотом на мой «Буран».

Я так поразился, что даже не нашелся, что ответить. Данилов предлагает пойти в его экипаж! На самые интересные

и выгодные рейсы!

– Идем... – Полковник легонько пихнул меня к шлюзу. – Вертолет ждет.

Что-то еще я забыл...

– Сейчас... – Я оборвал леску, на которой болтался над пультом меховой мышонок. Сунул игрушку в карман, смущенно посмотрел на Данилова.

Но он не стал смеяться.

Когда мы взлетали, по дороге уже подъезжали три крытых тентом грузовика с солдатами, две легковушки и БТР. Данилов проводил их одобрителем взглядом.

– Какие планы, пилот? – заорал он, перекрывая рокот винта. – Пресс-конференцию устроим?

Я замотал головой. Еще чего не хватало – врать на весь мир!

– Правильно, – решил полковник. – До завтра подождут...

Мне давно говорили, что Данилов не только лучший пилот «Трансаэро», гордость российского космофлота. Слышал я и про то, что он сотрудник службы безопасности, и про то, что ему принадлежит изрядный пакет акций компании. Наверное, так оно и есть – уж очень легко он принимал решения.

– Глотни! – Данилов протянул мне стеклянную фляжку. – Настоящий «Арманьяк»... меня после той шоферской гадости до сих пор тошнит!

Я послушно сделал глоток бренди.

– Водитель был пьян? – по-деловому поинтересовался Данилов. Я поперхнулся, пожал плечами. – Ладно, мы его обвинять не будем! Все-таки он тебя спас! – Полковник махнул рукой. – Заплатим за его колымагу, мелочи жизни!

Вертолет несся над дорогой, потом свернул, выходя к Свободному напрямую. Я смотрел в коротко стриженный затылок пилота и думал, как мог бы быть счастлив сейчас.

Возвращение из рейса, чудесное спасение, повышение в звании и место в экипаже Данилова... Газетная и телевизионная шумиха, какой-нибудь орден из рук президента... Дед бы так порадовался!

Обхватив голову руками, я смотрел на приближающиеся здания космодрома. Под нами тянулись склады, путаница рельсов, какие-то загаженные черные пруды. Час назад я пролетал над Свободным, уверенный в скорой гибели. Теперь возвращаюсь, но радости в душе нет...

– Петр, у тебя все в порядке? – Данилов наклонился ко мне. – Голова не болит? В глазах не темнеет?

Славный он мужик, что ни говори. Пусть даже и работает в службе безопасности...

– Все в порядке, Александр Олегович.

Данилов кивнул и вновь протянул мне флягу.

– По последней. Доктора тебя все-таки осмотрят, Петр, ничего не поделаешь... вишь, набежали...

Вертолет начал опускаться на площадку. Там и впрямь

стояло два белых фургончика.

– Распоряжусь, чтобы тебе подготовили хороший номер... – тем временем размышлял вслух Данилов.

– Александр Олегович, не надо. Я лучше домой, – попросил я.

Данилов помолчал, с любопытством разглядывая меня. Кивнул.

– Хорошо. Понимаю, пилот. Сейчас – медкомиссия. Потом – обед. И доставим в Хабаровск. На вечерний рейс в Москву ты успеваешь.

Глава 4

Врачи меня мучили целый час. Рентген, анализы, энцефалография, зачем-то – гастроскопия. Я вырвался из их рук с ощущением, что слишком рано обрадовался спасению. Обещанный Даниловым обед оказался маленьким банкетом с начальником космодрома генералом Киселевым и десятком чинов поменьше. Репортеров, которых, по слухам, собралось уже с полсотни, к счастью, не пустили. Зато были два американца из «Дельты», вернувшиеся прошлой ночью с Кэринари-3. Улыбчивые, белозубые и подтянутые.

– За героизм русских пилотов! – провозгласил сухонький старичок Киселев, опрокидывая первую рюмку. Американцы зааплодировали. Мне тоже пришлось выпить.

Минут через двадцать в маленьком зале царил полный бардак. Все повставали, разбились на группки и оживленно спорили обо всем на свете. Чинный банкет превратился в чисто российский фуршет. Я с ужасом наблюдал за братанием и питием на брудершафт американских пилотов и русского генерала. Офицеры хлебали водку и коньяк, закусывая крошечными бутербродами с икрой и ветчиной. Людей в зале словно бы стало больше. К потолку потянулся сигаретный дым, в блюде с салатом, к которому я потянулся, внезапно оказалась пара чадящих окурков.

На мгновение из суеты вынырнул Данилов. Глянул на ме-

ня, поймал пробежавшего официанта – солдатика в белом халате, – что-то приказал. Через минуту солдат притащил мне на подносе тарелку борща.

– Поешь, – возникая за спиной, посоветовал Данилов. – И не обращай внимания, народ переволновался утром...

Словно я не переволновался!

Безумие длилось еще с полчаса. Я сгорбился над столом, всей душой желая стать меньше ростом, и быстро доедал борщ. Один из американцев, подойдя ближе, просветлел лицом, извлек фотоаппарат и несколько раз щелкнул меня. Причем выбирая ракурс так, чтобы в него попало несколько пустых бутылок из-под водки. Я начал звереть, и тут из толпы, в которой точно было уже человек тридцать, словно каждый полковник размножился делением, а генералы – почкованием, вынырнул Данилов. Он вроде бы пил не меньше других, но казался абсолютно трезвым.

– Жди своего портрета где-нибудь в «Плейбое», – порадовал он. – Отдых русского героя... Петя, пробирайся на выход, я подойду.

– А как же...

– Все в порядке, свою роль свадебного генерала ты отыграл. – Данилов развел руками. – Не комплексуй. На выход!

Я поднялся из-за стола и, неловко улыбаясь, стал пробираться к выходу. У дальнего угла стола невысокий застенчивый майор собирал в полиэтиленовый пакет куски ветчины и красной рыбы с бутербродов.

– Здравствуйте, Петя! – слегка смутившись сказал он, протягивая руку. – А я Максим, Максим Гиллер. Я вас вел из ЦУПа...

– Спасибо, Максим, – от души поблагодарил я.

– У меня кошки дома, – признался Максим. – Очень редкая порода, бесшерстные, знаете?

Я покачал головой.

– Вот, решил их порадовать... все же натурпродукт, а не «Вискас»!

– Еще сыр можно взять, – посоветовал я.

Максим радостно кивнул:

– Да, сыр они тоже любят...

Я проскользнул мимо официантов, выскочил в приемную Киселева. Вход охраняли два сержанта с автоматами. При виде меня они подтянулись. Я присел на первый попавшийся стул, отер лоб.

Кошмар какой-то!

Сержанты демонстрировали чудеса выправки.

– Ребята, а часто такие банкеты бывают? – спросил я.

Оглядевшись, один из сержантов вполголоса произнес:

– Да нет, раза два в неделю, товарищ майор...

– А вы раньше сюда не попадали? – поинтересовался второй охранник, посмелее.

– Нет, – признался я.

...Обычно я проходил все формальности – это занимало полдня. Потом подписывал акты приема-сдачи корабля, по-

лучал билеты, проездные деньги и на попутном вертолете или автобусе добирался до ближайшего города с аэропортом, чтобы улететь на Москву. Ну, бывало, выпьешь рюмочку коньяка с начальником смены в ЦУПе или пивка с кем-то из пилотов...

Дверь хлопнула, и в приемную выскочил Данилов. Сержанты закаменели.

– Ага, сидишь, – удовлетворенно сказал полковник. – Молодец. Идем. Кстати, пленку я Джонатану засветил...

– Правда?

– Взял аппарат посмотреть, случайно раскрыл заднюю крышку... – Данилов ухмыльнулся. – Быстро, а то не успеешь на самолет.

– Мне еще вещи забрать...

– Идем!

Вертолет уже раскручивал ротор, когда мы подбежали к нему. Рядом с машиной стоял молодой лейтенант, одной рукой придерживая рвущуюся к небу фуражку, другой – держа на весу «дипломат» с моими пожитками.

– Я там кое-что положил, – небрежно бросил Данилов. – Не бойся, не бомбу. Презент твоему деду. Сам бы завез, да мне еще сутки кантоваться... Лейтенант, проводите Хрумова до самолета!

– Есть!

Мы с Даниловым обнялись, и я забрался в кабину вертолета. Следом нырнул лейтенант.

– Я с тобой свяжусь через пару дней! – крикнул Данилов. – И передавай от меня привет деду, Петя!

Конечно, я был удивлен, но переспросить, откуда Данилов знает деда, не успел. Вертолет уже уходил вверх.

– Должны успеть, – поглядывая на часы, заметил лейтенант. – Наверное...

Мы бы все-таки не успели, но рейс «Трансаэро» Хабаровск – Москва почему-то задержался на полчаса. Едва мы выскочили из вертолета, как к нам подкатила старенькая аэродромная «волга» с мигающей надписью «Follow me». Через все взлетное поле мы понеслись к «Боингу». Я запоздало вспомнил, что билет мне так и не выдали.

На трапе стояли две девочки-стюардессы и задумчиво покуривающий командир корабля. Лейтенант выполнил приказ Данилова буквально – довел меня до трапа, вручил «дипломат» и откозырял.

– Рад познакомиться! – Пилот протянул мне руку. – Геннадий.

Стюардессы улыбались, разглядывая меня с неприкрытым восторгом.

– Взаимно... – смущенно сказал я. – Петр. Тут такое дело, с билетом...

Командир захохотал, втаскивая меня в нутро «Боинга».

– Есть желание – пошли в кабину, – предложил он. – Пилотировал «семьдесят седьмой»? Не звездолет, конечно,

но...

– Спасибо, не стоит. – Я замотал головой. Интересно было бы поднять в воздух «Боинг», но не с пассажирами же на борту!

– Ну, если будет желание...

Меня усадили в полупустом бизнес-салоне. Там скучали несколько китайцев и японцев в строгих деловых костюмах, пара стареющих крашенных дам и молодых бизнесменов в костюмчиках из кэрринарского «шерстяного хлопка». Все как по команде уставились на меня. Потом японцы о чем-то тихонько зачирикали. В мою сторону посыпались улыбки.

Принужденно улыбаясь в ответ, я закинул «дипломат» на полку и устроился в широченном кресле рядом с дремлющим мужчиной – по виду государственным чиновником. Прикрыл веки, притворяясь спящим.

Над головой щелкнуло, и послышался голос Геннадия.

– Уважаемые пассажиры, компания «Трансаэро» приносит извинения за вызванную техническими причинами задержку вылета...

Я завозился, устраиваясь поудобнее. По салону пробежала стюардесса, что-то вежливо шепча пассажирам. На миг остановилась надо мной, защелкнула ремень и побежала дальше. «Боинг» медленно выруливал на старт.

– Я счастлив приветствовать на борту нашего самолета отважного космонавта Петра Хрумова, чей героизм спас тысячи человеческих жизней... – тем временем продолжал ко-

мандир. Все пассажиры бизнес-класса с готовностью зааплодировали. Пришлось открыть глаза и раздать еще немного улыбок.

И все же любое бремя славы недолговечно. «Боинг» стал разбегаться, неуклюже взмыл в воздух, медленно закладывая разворот. Пассажиры застыли в креслах, мужественно глядя перед собой. Я покосился в иллюминатор на вздыбленное поле аэродрома, вздохнул и расслабился.

Скоро я буду дома.

И уж кому-кому, а деду придется рассказать все.

По спине пробежал холодок.

Велика страна моя родная!

Даже когда летишь на скоростном американском самолете.

Полет занял почти шесть часов. Я успел выспаться, а один раз, разбуженный ласковым шепотом стюардессы, даже поел. Все бы хорошо... не гуляй сейчас по Земле счетчик. Чужой. Хитрый и коварный враг, которого я сам впустил на родину.

Что же я натворил...

В дремоте мне пригрезился какой-то кошмарный бред. Рептилоид, опоясанный патронными лентами, полз по гребню плотины. Маленькие глазки коварно поблескивали. Он готовил диверсию – вдали вздымались антенны командного центра СКОБы. Сейчас счетчик взорвет электростанцию, антенны замрут, и лишенная обороны Земля падет перед Чу-

жими...

Наверное, я слишком много читал в детстве книг о шпионах. У деда целая комната заставлена шкафами с детективами и боевиками. Причем он их не просто читает – конспектирует, с компьютером на коленках...

– Наш лайнер заходит на посадку в аэропорту Шереметьево-1. Просим пристегнуть ремни, погасить сигареты и приготовиться к посадке...

В Москве только начинало темнеть. «Боинг» приземлился, подкатил к терминалу. Мои соседи торопливо собирались, упаковывая свои тела в дорогостоящих костюмах в не менее дорогие плащи и куртки. Пожилая дама одарила меня загадочным взглядом, заспанный сосед покрутил головой и уставился с таким видом, словно не понимал, как я оказался его соседом.

– Петр... – Из кабины прошел командир корабля. – Мне сообщили, там тебя ждут репортеры... Ты как?

Видимо, на моем лице все отразилось.

– Пойдем.

Вместе с командиром и одной из стюардесс я вышел из самолета. Мы пошли по полю к служебному входу. Воздух был влажный и тяжелый, как перед дождем.

– Ты куда сейчас? – поинтересовался командир.

– Домой.

– В Звездный?

– Нет, просто домой. К деду, в Переделкино.

– Тебя здесь встречают?

– Только журналисты.

– Ну... ладно. Бывай. Полетишь еще как-нибудь с нами – заглядывай в кабину.

Я кивнул летчику и пожал ему руку.

– Может, и я когда-нибудь... – Командир смущенно улыбнулся. – Я подал заявление о зачислении в космическую группу.

– Так ведь только военных летчиков принимают, – неуверенно сообщил я.

– Да нет уже. Неделю назад объявили общий прием.

Интересные дела...

– Как там, на звездах? – спросил летчик. Совершенно серьезно, без всякой иронии.

Я посмотрел на здания аэропорта, на снующие автобусы, россыпи посадочных огней.

– Да так же, в общем...

Мы вошли в здание.

Хорошо вернуться домой. Даже тоска по джамп-эйфории отпускает. Я вышел через служебную дверь, огляделся и двинулся через здание аэровокзала. Сновали люди, улетающие и прибывшие в бывшую столицу России, сверкали витрины. Никому здесь не было дела до космонавта, еще сутки назад болтавшегося в межзвездной пустоте.

И это было здорово.

Я собирался взять такси, но уже на выходе услышал крик:
– Петр! Хрумов!

Меня догонял командир «Боинга».

– Блин... – Он остановился, отдуваясь. – Черт... Еле догнал.

– Что случилось?

– Тебя машина ждет. С меня бы голову сняли.

– А что такое?

Летчик только махнул досадливо рукой. Мы вышли из аэровокзала, осыпаемые вкрадчивыми голосами:

– Недорого... Куда ехать, ребята?.. До центра подбросить?..

Геннадий оскалился на таксистов и пояснил:

– Вчера ограбили кого-то из наших. Тоже... сел в случайную машину. Избили и обобрали. По фирме вышел приказ – из аэропортов доставлять на служебном транспорте.

– Кого избили?

– Не знаю. Тебе, наверное, скажут.

Мы прошли на служебную стоянку. Геннадий покрутил головой.

– Вон... Серая «вольво». Черт, если б я тебя не догнал...

Я частенько пользовался транспортом фирмы. Но раньше не запрещалось добираться и своим ходом.

Как-то не уместилось в голове, что могут ограбить и избить космонавта. Одного из тех, кто зарабатывает всей Земле место в Галактике.

– Счастливо, Петр... – Летчик пожал мне руку. – Хороший ты парень...

– Только? – спросил я.

– Что? – Геннадий растерялся.

– *Хороший ты парень, только...*

Летчик кивнул:

– Да, наверное. Хороший, только слишком правильный. И серьезный. Счастливо тебе.

Я сел на заднее сиденье. Рядом с шофером бдил мрачный охранник из отряда безопасности «Трансаэро».

– Хрумов? – уточнил водитель.

– Да. Вы меня ждете?

– Второй час уже. Рейс задержался. Куда ехать?

– В Переделкино.

Водитель кивнул:

– Ага. Я тебя как-то возил, помнишь?

На всякий случай я кивнул.

– Жулье совсем распоясалось... – сказал водитель. Машина выскользнула со стоянки и рванула по шоссе. – Теперь всех наших возим.

С минуту я слушал его мнение о частном извозе, разгуле преступности, очередных обещаниях мэра Полянкина закончить с оной, а потом незаметно задремал.

Когда мы подъехали к прославленному дачному району, уже совсем стемнело. Водитель разбудил меня, и я показал

охране у въезда свой пропуск. Наступал вечер, второй вечер подряд, но, поскольку я спал, ощущение возникало такое, словно светлое время суток сократилось до пары часов.

– Сейчас направо, – командовал я. – У дачи Пастернака заверните...

– Это какая?

– Вон та...

Водитель мастерски завернул, потом спросил:

– Пастернак – тоже наш, с фирмы, да?

Я поперхнулся и не нашел, что ответить.

– Нет, тот вроде Патерный... – размышлял водитель. – А!

Это писатель такой, да?

– Да, – беспомощно признал я. – Писатель. Поэт. Знаменитый...

Довольный своей образованностью водитель начал тихонько насвистывать. Каменный затылок охранника дрогнул, и он неожиданно мягким голосом произнес:

– Быть знаменитым – некрасиво...

Странная штука – такие вот случайные встречи. Машина остановилась у дедовой дачи, я вышел, стараясь заглянуть в лицо охранника. Но так и не смог – в салоне было темно.

– Спасибо, ребята, – сказал я. «Вольво» с легким гулом умчалась.

Я остался наедине с домом.

Нет, сказать, что я деда боюсь, – это неправда. Даже ребенком я его не боялся. Побаиваются обычно отца, это и

правильно для мальчишек. Вот только мне так и не удалось узнать, что такое ласковая мама и строгий папа.

Разбились мои родители. Мне два года тогда было. Разбились на самолете, на мерзкой «тушке» – «Ту-154», самолете, который следовало снять с полетов еще в девяностых годах прошлого века. Дед меня и воспитывал... если это можно назвать воспитанием.

Я помялся перед калиткой. Она была не закрыта – весь район Переделкино и так надежно охранялся.

Нет, держать ответ придется.

Толкнув калитку, я вошел в сад. Окна дачи светили сквозь деревья, неярко – на первом этаже, в прихожей, и посильнее – на втором, в кабинете деда.

Уже у самой дачи из-за деревьев вынырнула безмолвная черная тень и метнулась ко мне. Я остановился, позволяя Тирану обнюхать себя. Спросил:

– Ну? Не признал?

Кавказская овчарка – пес серьезный. Тиран секунд пять изучал мои брюки, потом улегся на дорожке. Внимания требовал, паршивец. Уж не знаю почему, но меня в качестве хозяина он так и не научился воспринимать за все четыре года своей собачьей жизни. Скорее я годился ему в партнеры по играм, а изредка – в инструмент для чесания брюха. Во всяком случае, сейчас в собачьем взгляде читалось именно это.

– Нет, парень, ты обнаглел. – Я перешагнул через овчарку, достал ключ и стал отпирать замок. Тиран изо всех сил делал

вид, что ничуть не разочарован, а на дорожку просто прилег отдохнуть.

Я вошел в дом и аккуратно запер дверь. Охрана охраной, и пес в саду тоже не зря свой «педигрипал» ест, но замок все равно надежнее.

– Петя, ты устал?

Я замер в прихожей, косясь вверх, на винтовую деревянную лестницу. Надтреснутый старческий голос доносился из кабинета. Дед явно оставил дверь открытой, чтобы услышать, когда я войду.

– Нет, деда!

– Тогда поднимайся.

С легкой тоской я покосился на дверь своей комнаты. Сейчас бы упасть на мягкую, чуть расшатанную и скрипучую, но от этого ставшую еще привычнее кровать... Включить вертушку с записью шума прибора... или нет, раскрыть окно пошире и слушать шорох сада...

– Петр Данилович! – рявкнул дед.

– Иду! – Я кинулся на лестницу.

Ступеньки были невысокими, пологими, наверное, чтобы старенькие писатели не обедняли российскую литературу, падая с лестницы. Я сделал полный оборот, прежде чем оказался на втором этаже. Дверь в дедовский кабинет была открыта, от остальных комнат, давно и наглухо закрытых, словно тянуло тьмой и одиночеством. Мрачно все-таки тут... и как дед живет без меня?

Андрей Валентинович Хрумов, бывший психолог и литератор, бывший участник переговоров Земли и галактического Конклава, человек, которого называли Гиммлером космического века, толстый семидесятилетний старик, мой дед...

Он сидел в древнем кожаном кресле, когда-то светло-коричневом, а сейчас выцветшем до белизны, в тон его седым волосам. И молча разглядывал меня. На столе светился экран ноутбука, в углу комнаты, водруженный на хилую этажерку с книгами, бормотал включенный телевизор.

– Ты чего, деда? – тихо спросил я.

Дед медленно поднялся, подошел и обнял меня. Я его на голову выше, но сейчас вновь почувствовал себя маленьким.

– Паршивец... – прошептал дед. – Ну, Петька... паршивец... ведь вначале передали, что ты разбился...

– Правда? – Я пришел в ужас. Представляю, что было с дедом!

– Сказали, что ты, отводя челнок от города, врезался в землю...

– И ты поверил?

Дед отстранился на расстояние вытянутой руки. Уставился мне в глаза.

– Я? Конечно. Разве ты поступил бы по-иному?

Я промолчал.

– Полчаса ждал новых сообщений. Телефон оборвал. Потом передали, что челнок совершил аварийную посадку на шоссе.

Дед тихо, кашляюще засмеялся.

– Тогда я успокоился. Разбиться, спасая людей, ты мог. А вот при аварийной посадке – никогда!

– Почему?

– Потому! – рявкнул дед, вновь переходя на обычный тон. – Врачи тебя смотрели?

– Конечно!

– Сотрясения, ушибы, переломы?

– Ну я же здесь стою! Нет.

Дед кивнул, зашаркал к креслу. Я устроился на жестком венском стуле в углу комнаты. С самого детства я любил здесь сидеть, тихонько наблюдая за тем, как дед работает. Порой он разрешал мне притащить свой компьютер, я ставил его на краешек стола и делал уроки, пока дед работал. А если у него было хорошее настроение, то под вечер мы перекидывали между машинами шнурок и играли в какую-нибудь стратегическую игру...

– Итак, рассказывай, – устраиваясь в кресле, сказал дед. – Нет... постой.

Он с легким смущением отвел глаза и достал из ящика стола огромную хрустальную пепельницу, спички, трубку и кисет с табаком. Я, еще как вошел, почувствовал, что дед сегодня курил, но упрекать его не стал.

Но такого, чтобы дед при мне начал травить организм, давно не бывало.

– При выработке посадочной траектории... – начал я, без-

надежно разглядывая фотографию на стене. На ней были мама, папа и я – совсем еще маленький, кудрявый и светловолосый. Лицо у меня было глупое и обиженное.

– Стоп, – раскуривая трубку, велел дед. – Мне не нужны подробности твоей посадки. Я хочу знать, что случилось на Хикси?

Вот так.

А чего еще я мог ожидать от своего деда?

– Я взял груз... кортризон...

– Петя, мальчик мой... в первую очередь я хочу знать – кто? Алари, Счетчики или Куалькуа? И говори свободно, нас никто не услышит.

– Счетчики... – прошептал я.

Дед выпустил в потолок струю белого, пахнущего скорее пряностями, чем табаком, дыма. Кивнул:

– Я все-таки рассчитывал на Алари... Они точно не замешаны?

– Не знаю... – уже ничего не соображая, признался я. – Вроде бы нет.

– Петя, я учил тебя, что отрицание никогда не может быть достаточно информационно насыщенным...

– Возможно, да.

– Прекрасно. Теперь все по порядку.

– Хикси. Груз кортризона. Старт нормальный. В момент выхода на орбиту на встречном курсе оказался крейсер... крейсер Алари...

Дед довольно заулыбался.

Я отбросил все попытки разобраться в происходящем и принялся рассказывать все случившееся. Коротко, пока речь шла о предыстории, и подробно, когда на сцене – если крошечную кабину «Спирали» можно обозвать сценой – появился счетчик.

– Прекрасно, – подвел итог дед. – Более чем хорошо.

– Я ничего не понимаю, – признался я.

– Например?

– При чем тут Алари?

– Что тебе помешало провести положенный осмотр челнока перед уходом в джамп?

– Крейсер...

– Вот. В результате экстренного джампа ты – первое, не обнаружил счетчика, второе – ушел в прыжок с плохо рассчитанной траекторией. И был вынужден принять помощь Чужого.

– Значит, все подстроено? Он врал? – Я даже не удивился.

Но дед покачал головой:

– Почему же врал? Сообщил часть правды. В операции проникновения на Землю участвуют не только живые компьютеры. Еще и воинствующие грызуны.

– А им-то зачем?

– Петя, на тебя давит известный всем космонавтам факт – боевые корабли Алари сильнейшие в Конклаве. А тебе не кажется странным, что Алари вынуждены содержать такой чу-

довишно огромный и разорительный флот? Они тоже в ловушке, Петя. Как и мы, как и Счетчики. Они – боевая гвардия Конклава. Эта роль может устраивать часть расы, но никак не всех Алари. Будь они воинственны от природы, давно бы истребили друг друга или схватились со всеми прочими Чужими.

Дед кашлянул, выколотил трубку и принялся набивать ее заново.

– Сложилась классическая ситуация, – удовлетворенно произнес он. – Имеются по меньшей мере три расы космоса, которые не удовлетворены текущим положением дел. Три расы, считающие себя ущемленными, рабами, вынужденные играть заданную роль. Если бы ты знал, как давно я ждал этого мига!

– А как же счетчик? Как его найти?

– Найти? Зачем? Он и сам прекрасно нас найдет. Точнее – меня.

Вот чего никогда за дедом не замечал, так это мании величия.

– Дед, ты все-таки не секретарь ООН и не президент России...

– Кому нужны эти должности? – презрительно фыркнул дед. – Думаешь, я променял бы это кресло на кресло Мбаны Монтенебо или Алексея Шипунова? Ха!

– Ты думаешь, счетчик и впрямь шел к тебе?

– Конечно! Как он себя зовет? Карел? Карел Готт... – Дед

затрясся от хохота. Почему он обозвал счетчика богом – абсолютно не пойму!

– Дед... – жалобно сказал я. Примерно тем же тоном, как в детстве, когда у меня не выходила задачка по дифференциальному исчислению или я никак не мог усвоить параграфы Галактического Кодекса – с их официально трехсмысленным толкованием и перекрестными ссылками...

– Петя! Ты устал. Тебе сейчас поспать надо. А мне подумать.

Я встал – когда дед отправляет меня в кровать, то спорить бесполезно. Это я с детства усвоил. И все же спросил:

– Так ты что... не сердишься? Не считаешь предателем?

Дед отложил трубку и пораженно посмотрел на меня:

– Петя! Ты прекрасно себя вел! Ты сделал то, что необходимо было сделать! Если бы за воспитание давали Нобелевскую премию, я был бы беспорным на нее кандидатом!

Я поспешил ретироваться. Слабостей у деда немного, но когда речь заходит о нобелевке – лучше убежать. Иначе придется вновь выслушивать историю о том, как дед ее не получил, – и все из-за трусости чиновников, не рискнувших дать заслуженную награду автору «Манифеста обреченных» и «Введения в психологию не-людей».

Наконец-то я выспался. В своей кровати, под шорох начавшегося дождя из открытого окна. И самое главное – успокоенный дедом. Если уж он считает, что я не натворил беды,

притащив счетчика на Землю, – значит все в порядке.

Проснулся я поздно. Небо плотно обложили тучи. Шел дождь, снаружи, откуда-то из-под крыльца, глухо поскуливал Тиран. Там у него целое логово, но, видимо, сейчас псу хотелось в человеческое жилье. Я поднялся, протирая глаза, вышел в прихожую, впустил собаку и отправился досыпать. Но сон уже не шел.

Тогда я включил телевизор и, валяясь в постели, прослушал последний выпуск новостей, записанный час назад.

Говорили о небывало большом урожае в Нечерноземье, который никак не удастся убрать, о каких-то таможенных спорах с Великим Китаем, о выступлении президента США Мерфи... потом вспомнили и обо мне. Прокрутили компьютерный ролик, демонстрирующий процесс посадки «Спирали», какой-то незнакомый мне спец из Роскосмоса высказывал версии о причинах нерасчетной посадки. Потом показали садящийся шаттл – не «Спираль», а «Буран», но кто из телезрителей поймет это за три секунды? И меня, пирующего с шофером разбитого «Икаруса». Меня хвалили, причем довольно сильно. Я покраснел и стер выпуск новостей из памяти телевизора.

Сегодня мне, пожалуй, дадут отсидеться дома. Компания в этих вопросах деликатна. А вот завтра начнутся разборки в «Трансаэро» и в Роскосмосе, придется давать интервью и объяснять коллегам чудеса своего спасения...

Ой...

Я сходил и умылся, поднялся по лестнице, но в комнате деда еще царил тишина. Тогда я сделал на кухне пару бутербродов, подхватил чайник и вернулся к себе. На столе лежала дедова книжка «Место под звездами». Вначале я не обратил на нее внимания, потом заметил, что обложка чуть-чуть другая. Стало больше названий галактических рас – кроваво-красных надписей на черном «космическом» фоне. Оказалось, что это новое издание, как водится, «дополненное и переработанное».

Усевшись у окна и жуя бутерброд, я пролистал книгу. Вроде бы ничего особо и не изменилось. Три «постулата Хрумова», ехидные издевки над американским астрофизиком и энтузиастом контактов Молдером, краткие и беспощадно злые характеристики всех известных людям рас космоса. Я пролистал статьи о Счетчиках и Алари.

Странное дело, об этих расах дед писал прямо-таки с ненавистью! Если верить тексту, то именно они являются нашими заклятыми врагами, ну или точнее – злейшими конкурентами...

Я открыл книгу на вступлении и начал читать:

«Галактическая Семья – не просто общая фраза. Мы вправе считать девять сильнейших рас космоса, живущих вместе уже около тысячи лет, семьей. Встает лишь один вопрос: кем являются в данной семье молодые и слабые расы – Алари, Человечество, Счетчики, Куалькуа, Мерцающие, Дженьш, Непроизносимые, Пыльные?.. Список можно про-

должить – число молодых рас превосходит число Сильных почти на порядок. Различие Сильных и Слабых на первый взгляд неявно. Корабли Алари куда сильнее, чем флот Даэнло. Счетчики, бесспорно, более интеллектуальные существа, чем Хиксоиды. Но все расы, которые мы причисляем к Слабым, имеют несмываемое тавро – узкую специализацию.

Итак, кто мы в Галактической Семье? Дети или пасынки?

Если проводить аналогии с человеческим обществом далее, то можно привести такой пример. Родители вправе направлять развитие своих детей в том направлении, которое представляется им перспективным. Мы помогаем мальчику с абсолютным слухом стать музыкантом, а девочку с хорошей пластикой может ждать карьера балерины. Мы вправе – это наши дети, и нам обычно виднее, какой путь принесет им больший успех в жизни.

Но Сильные расы – не наши родители. И роль космических извозчиков, навязанная нам два десятилетия назад, не является мечтой человечества.

Что мы скажем о человеческой семье, которая берет на воспитание беспомощных детей, исходя из своих потребностей? Как отнесемся к людям, которые воспитывают физически крепкого мальчика лесорубом, гибкого и художавого – трубочистом... и без всякой возможности выбрать свой жизненный путь? Основой человеческой цивилизации всегда была гибкость и универсальность, причем не только в масштабах общества, но и на уровне отдельной личности.

Сейчас мы помещены на прокрустово ложе. Еще живы те, кто не мечтал о таком будущем человечества, которое нам навязали. Но сменится одно-два поколения – и процесс станет необратимым. В психологии людей надолго, если не навсегда, закрепится предписанная Сильными расами роль...»

Я захлопнул и отложил книгу. Вслушался – точно, сверху доносились неясные звуки, дед проснулся.

Любит он проводить ассоциации. И ведь всегда меня учил: «Не верь сравнениям! Не верь лживым аналогиям! Они говорят лишь о личности автора, но никогда – о сути разговора!» А сам ими не брезгует. Во всяком случае, в массовых изданиях вроде «Места под звездами».

– Петя! – послышалось сверху. – Ты встал?

Когда я поднялся в комнату деда, он заканчивал разговаривать по телефону:

– Да, Машенька... Спасибо, золотко. Зверобой? Захвати, конечно! Ты у меня мастерица травку собирать... И душицу возьми. И болиголов...

Дед покосился на меня слегка досадливо, словно не ожидал, что я приду так быстро, до окончания разговора. Кивнул на стул и продолжил:

– Бессмертник не собрала? Ой как жалко-то... Ну хоть страстоцвет? Лапочка... Что бы я без тебя делал. Страстоцвет нам пригодится. Погрузили? Ну, жду. Жду. С Петей познакомлю наконец. Он тут рядышком сидит. Ну, пока.

Странный был разговор. С неведомой мне Машей дед об-

щался так, словно с любимой внучкой. Вот только не было у меня никаких сестреночек, даже двоюродных.

И травами лекарственными дед никогда не увлекался, и к цветам был почти равнодушен. Похоже, разговор шел намеками, кодом, понятным лишь двоим. Особенно последняя фраза, про то, что я сижу рядом, настораживала. Словно дед давал понять: «Не могу говорить свободно...»

Опустив трубку на рычаг, дед с минуту молчал. Потом произнес:

– Это аспирантка из моего питерского центра. Очень талантливая девочка. Гениальная, не побоюсь этого слова... в своей области, конечно.

– В фитотерапии? – съехидничал я.

– Можно сказать и так. – Дед вздохнул. – Петя, вечером у нас будет серьезный разговор. Очень серьезный. Маша придет после обеда... вам давно стоит познакомиться.

Господи, может, дед меня женить надумал?

– Увы, нам не до дел матримониальных... – Дед, по своему обыкновению, угадал ход моих мыслей. – Петя, можешь сейчас съездить в город?

– Да, конечно.

– Купи продуктов. Чего-нибудь вкусенького. Возьми бутылочку хорошего шампанского. Пару бутылочек «Байлейса» и «Адвоката». Икры с полфунта. Три *зухра* нежирной ветчины. Если найдется, *беттен* хорошей телятины...

Опять началось. Любит дед такие забавы – вываливать од-

ним махом уйму заданий, причем приводя меры веса, размера и качества в разных земных и галактических стандартах. Тренировка памяти... до сих пор помню, как хохотал весь класс, когда я, обалдев от намеченных на «после школы» покупок, решил контрольную в системе счисления Хикси...

– Все? – уточнил я, когда дед закончил.

– Да. Деньги у тебя есть?

Я прикинул наличность.

– Хватит. Так что мы собираемся сегодня праздновать?

– Твое чудесное возвращение! – удивился дед.

– Извини, деда. – Я смутился. – Конечно. Я побежал?

Дед вздохнул.

– Да. Не забудь залить полный бак, в Москве, передавали, опять перебои с бензином.

Кивнув, я вышел из кабинета. Накинул плащ, свистнул Тирана и вышел под дождь. Гараж у нас стоит очень неудобно, далеко от дома, наверное, рассчитано было на то, что к машине прилагается безропотный и непромокаемый шофер.

Пока я, спрятавшись от дождя под козырек крыши, возился с замком, Тиран возбужденно носился вокруг. Надеялся, наверное, что я возьму его с собой. Нет уж. Во-первых, сиденье потом оттирать придется, такую грязь развезло. А во-вторых, раз уж ворье в Москве распоясалось, пусть в доме будет надежный охранник.

– Дядя Петя!

Тиран, решивший, что прозевал возможную опасность,

зарычал. Я дернул его за ошейник и помахал рукой мальчишке, просунувшемуся через ограду.

– А про вас по телеку передавали!

– Ну и как?

– Круто!

Алешка был сыном бизнесмена, не то снимавшего, не то купившего одну из соседних дач. Славный мальчишка.

– А где вы были, дядя Петя?

Словно не знает, хитрец. Уже месяц при встречах интересовался, когда я полечу на Сириус.

– На Хикси-43.

– Сириус?

– Ага. – Я наконец-то справился с замком.

– Там камни красивые? – задумчиво поинтересовался

Алешка.

Я усмехнулся.

– Красивые. Я тебе привез несколько.

– О! – завопил Алешка, подпрыгивая. – Спасибо, дядя Петя! Ни у кого из ребят еще сириусянских камней нет!

Здорово, наверное, собирать в детстве такую коллекцию – маленькие кусочки чужих планет. Брать их на ладонь – и представлять себя отважным первооткрывателем далеких миров. Я вздохнул. Да уж... первооткрывателем... настанет ли день, когда Земля сможет назвать какую-нибудь планету Земля-2?

– Ты забеги попозже, – попросил я. – Мне сейчас в город

надо съездить.

Алешка явно огорчился, но постарался виду не показывать.

– Ладно.

– А то садись, прокатишься, – предложил я.

– Не, дела... – Мальчишка поднял над оградой руку с огромным сачком. – Охота!

– И много воробьев наловил?

– Ни одного. Пуганые. – Алешка вздохнул. Вряд ли он испытывал недостаток в карманных деньгах, скорее – азарт. – Дядя Петя, а Чужие их точно не едят?

– Нет. Инопланетная органика ядовита.

– Какая же она инопланетная?

– Для Чужих, балбес!

Алешка хлопнул себя по лбу.

– Летающие животные – огромная редкость в Галактике, как ни странно, – объяснил я. – Их содержат для красоты. В больших вольерах, чтобы могли летать. На самом деле птицам у Чужих получше, чем на Земле, живется.

– Это здорово, – серьезно сказал мальчишка. – Я не стал бы их ловить на еду. А вы вечером со мной не сыграете? Мне такую игру притащили, там эта... фрукт... фруктальная...

– Фрактальная.

– Да! Плавающая фрактальная графика сверхвысокого разрешения. Во!

– Посмотрим. Если мне дед разрешит телефон занять –

сразимся.

Алешка понимающе кивнул – мол, знакомые проблемы...
Я махнул ему рукой и пошел заводить машину.

Глава 5

Насчет бензина дед был прав. Во всяком случае, я заметил, что на московских улицах маловато машин. Вначале я направился прямо к «Елисейевскому», потом вспомнил просьбу Эльзы Шредер. Слава Богу, я по-прежнему был в трансээровской куртке, и письмо терпеливо ждало во внутреннем кармане. Вздохнув, я развернулся, двинулся назад по Огарева и припарковал старенькую «дюжину», которую дед не менял из патриотических соображений, напротив Главпочтамта.

Не верю я в скорость нашей почты. Лучше тут письмо брошу, быстрее дойдет до Франкфурта.

Кинув жетон в счетчик на тротуаре, я оплатил стоянку и побежал к почтамту. Несколько прохожих глянули на меня с легкой заинтересованностью, но, кажется, никто так и не узнал.

Слава – вещь недолгая. Вот если бы я отвел падающую «Спираль» от Москвы, то жители бывшей столицы меня бы узнавали долго. А так...

За письмо пришлось еще и доплачивать. Я разменял «спейс-баксы» на рубли, наклеил на конверт две марки по тридцать копеек и бросил письмо в ящик. Привет, господин Шредер, добропорядочный немецкий буржуа. Твоя красавица жена скучает и шлет приветы.

Брать машину с парковки было глупо. Я прошел через переход и окунулся в пахучее нутро «Елисейевского».

Приятное зрелище – изобилие вкусной еды. Уж на что я равнодушен к гастрономическим изыскам, а какие-то древние инстинкты выплеснули в кровь адреналин и начали нашептывать: «Всё! Всё – и побольше!»

Борясь с инстинктами, я начал обход прилавков. Первым делом на глаза попала ветчина – нежирная, как просил дед. Я кивнул улыбочивой продавщице и, проделав в уме несложный расчет, выпалил:

– Семьсот тридцать два грамма «Деликатесной» ветчины, пожалуйста...

Наверное, не стоило так буквально исполнять просьбу деду о «трех зухрах»...

Улыбка девушки стала напряженной, но она все-таки попыталась выполнить просьбу. Virtuозности ее можно было позавидовать – розовый пласт лег на весы, и она поинтересовалась:

– Семьсот тридцать. Добавить?

Чувствуя себя негодяем, я замотал головой:

– Нет, спасибо. Я... пошутил.

Вымученно улыбаясь, девушка завернула ветчину в пленку, я расплатился и двинулся дальше, зарекшись на будущее приводить точные числа. Это не переговоры по межзвездной торговле и не расчет джампа... это просто хороший продуктовый магазин.

... Через четверть часа я все закупил. И ликеры, и *беттен* хорошей телятины. С двумя пакетами в руках выскочил из гастронома, двинулся по тротуару и был остановлен негромким голосом:

– Внучек...

Бабулька стояла метрах в пяти от входа. Явно специально, чтобы охрана магазина не сразу заметила попрошайку. Классическая нищая – в чистой, но ветхой одежде, древняя-пред-древняя... Дед всегда говорил, что нищенствующие у роскошных магазинов не беднее школьного учителя или участкового врача... но при этом продолжал им подавать.

Остановился и я. Порылся в кармане.

Бабка смотрела то на меня, то на вход в магазин. Зрение у нее явно было еще то, несмотря на возраст.

Я протянул ей рублевую бумажку. Вылавливать в карманах медь, когда я только что накупил продуктов на сотню, было бы гнусно.

– Ты космонавт, внучек? – спросила бабка. Скорее утверждающе, чем вопросительно. Куртка моя была слишком уж характерная.

– Да.

– Скажи... – Бабулька снова оглянулась и, успокоенная отсутствием милиции, продолжила: – Ты был *там*...

Неужели верующая?

– Там, в чужих звездных системах... Ты ведь не просто пилот, верно?

– Я просто пилот, бабушка. Извозчик.

Что-то мешало мне, откупившись рублем, прервать старуху и уйти.

– Все равно... – Сморщенное старческое лицо сложилось в слабой улыбке. – Я ведь еще Гагарина помню... живого... я при коммунизме жила.

Дед мне говорил, что настоящего коммунизма в прошлом веке так и не построили, но не с попрошайкой же спор по этому делу затевать...

– Внучек... – Сухая ладонь цепко взялась за мое запястье. – Ты добрый. Ты хороший человек. Скажи старухе... ты не соврешь?

Лил мелкий дождик, хотелось быстрее нырнуть в теплое нутро «жигулей», но при виде этой старухи с непокрытой седой головой мне становилось слишком стыдно.

– Я не совру.

– Скажи, есть у нас впереди хоть что-то? Мне уже все равно... – Улыбка, снисходительная, как осенний дождь. – Но у меня есть правнук... и внук, хотя в этом я и сама порой сомневаюсь...

– О чем вы, бабушка?

Старуха покачала головой:

– Неужели ты не понимаешь? У тебя умные глаза... Всегда нам говорили о великом будущем. О счастье человечества. Я ведь коммунизм строила... потом капитализм... пыталась... Все мы ради этого терпели. Ради будущего, ради

счастья... Сейчас вы звездное будущее строите. Мальчик, ты веришь, что это не зря?

– Я хочу верить, – прошептал я.

И тут из текущего по тротуару ручейка прохожих вынырнул милиционер в сером дождевике. Остановился, зыркнул на старуху глазами, быстро козырнул мне и произнес:

– Опять?

Старуха попятилась.

– В отделение захотела? – продолжал милиционер.

Бабулька начала быстро отступать. Милиционер сделал было шаг ей вслед, но я поймал его за плечо:

– Отставить!

Слава Богу, что у всех российских космонавтов «двойное подчинение». Не только фирме-перевозчику, но еще и Роскосмосу. Который, если говорить начистоту, организация военная.

И мое звание майора ВВС, после трехлетней давности указа президента Шипунова, кое-что значит и в иерархии МВД.

Но милиционер не выглядел ни разозленным, ни разочарованным.

– Вы космонавт, – утверждающе произнес он. – Не думайте, что я... такой уж...

Он был еще совсем молодой парень, этот московский милиционер. И похоже, не сволочь из тех, кто сшибает деньги с каждого торговца и гоняет нищих.

– Сумасшедшая она просто, старуха эта... Вечно здесь толчется и пристает к космонавтам. С вопросами, «как там на звездах?», «что с нами будет?». Больная...

Я посмотрел ему в глаза. Честные глаза, просто совсем молодые. Даже моложе и наивнее моих.

– А может быть, она одна нормальная, сержант? – спросил я.

Кажется, он так меня и не понял... Я бросил пакеты с продуктами на заднее сиденье, посидел с минуту, облокотившись на руль.

Верю ли я в наше будущее?

Медленно повернув голову, я скользнул взглядом по толпе. словно камерой снял общий план, а потом, прикрыв глаза, разглядел картинку.

Верят ли эти люди в звездное будущее человечества? Нужно ли оно им, замотанным транспортными проблемами и перебоями с теплом в квартирах, плановыми отключениями электроэнергии и дороговизной продуктов? Что дал им космос – кроме страха перед чужими мирами и вымученной гордости за планету Земля, за ее космические корабли – самые быстрые в Галактике...

Мотор взревел, когда я шарахнул ногой по педали. Я понесся по Огарева с четким желанием убраться побыстрее из города.

Лучше бы я никогда не выходил из дома. Переделкино – Звездный – Свободный – Галактика... Прекрасный марш-

рут. Из уюта старой дачи в академический покой столицы российской космонавтики, потом – в суету космодрома... а потом – джамп.

Джамп! Сказочная эйфория прыжка и невообразимо далекие миры, недоступные даже воображению. Уж мне-то по крайней мере космос дал многое.

Разве я виноват в том, что именно я сижу в кресле пилота, преодолевая межзвездные бездны?

Под ленивым, так и не решившим, идти в полную силу или утихнуть, дождем я пробежал от гаража к дому. Дверь оказалась не заперта, а прихожая завалена пакетами, картонными коробками, объемистыми сумками. Судя по их количеству, к нам с месячным визитом прибыла большая семья или остановилась перед восхождением на пик Демократии экспедиция альпинистов. Все вещи были мокрые – значит неведомые гости только что прибыли.

Меньше трех часов отсутствовал, а дом как чужой стал!

Лавируя между коробками, я пошел на кухню.

– Петя?

– Да, деда, – привычно отозвался я.

– Бросай припасы и поднимайся!

Что-то во мне не выдержало. То ли устал я от таких вот распоряжений со второго этажа, то ли старушка у магазина вспомнилась... Я швырнул пакеты на пол и стал подниматься. Только на полпути подумал, что, абсолютно не задумы-

ваясь, кинул вначале пакет с мясом и ветчиной, а уже на него – второй, с бутылками.

Даже истерику с битьем бутылок устроить не получается!

В комнате было свежо – видно, дед недавно проветривал. Тихо играла музыка, кто-то из композиторов итальянского барокко, то ли Корелли, то ли Манфредини. Все довольно обычно.

Первой неожиданностью оказалось то, что дед сидел на моем месте, на стуле. А кресло оказалось занято, и это уже было второй неожиданностью. Там, по-мужски закинув ногу на ногу, сидела молодая женщина лет двадцати пяти. Очень серьезная, с грубоватым скуластым лицом, собранными в чахлый хвостик волосами, в джинсах и свитере домашней вязки.

Вот что меня всегда смущает – это некрасивые девушки.

Какую-то вину я начинаю перед ними чувствовать. «Быть некрасивой – некрасиво...», если позволить тавтологию и рискнуть перефразировать поэта. Нет, понятно, что манекенщицами и победителями конкурсов красоты всем женщинам не быть. Но если молодая девушка так откровенно плюет на собственную внешность – кто-то в этом виноват.

И я всегда себя чувствую так, словно этот кто-то – я.

– Петя, познакомься. – Дед встал. – Это Маша. Моя лучшая сотрудница.

– Много о вас слышала. – Маша, не вставая, протянула мне руку. Пожатие ее было крепким, товарищеским. Голос

– отрывистым и резким. – Думаю, работаемся.

– Очень приятно... – пробормотал я.

Дед кивнул мне на свою кровать – больше в комнате и сидеть-то было не на чем.

– Петр, не знаю, насколько ты в курсе планов... – начала Маша. – Ничего, если мы сразу перейдем на «ты»?

– Ничего...

– Правильно. Не люблю формальностей. Итак, Андрей Валентинович вкратце ввел меня в ситуацию... – начала Маша.

– Простите...

Маша подняла брови.

– Прости, ты – психолог? – спросил я.

Маша покосилась на деда.

– Моя вина, – сказал дед. – Петя совершенно не владеет ситуацией. Я ожидал начала событий через полгода-год...

– Я техник, – сказала Маша. – Физик по образованию, но работаю больше как техник. Три года назад Андрей Валентинович принял меня на работу... – Снова взгляд на деда, тот кивнул. – Я занималась разработкой методов и средств... э... общения с Чужими.

– Методами убийств и пыток, – меланхолично сказал дед.

В голове у меня что-то щелкнуло.

– Болиголов? Зверобой? Душица? Страстоцвет? И как, Маша, ты все привезла?

Маша кивнула, словно не замечая иронии.

– Дед! – завопил я. – Ты что?

Нет, я мог заподозрить за дедом желание прибить инопланетянина. Но не в таких же... почти промышленных масштабах!

Его уже сейчас можно сажать в тюрьму на пару сотен лет – за одни эти приготовления!

– Ты не наступишь на меня, внук? – спросил дед.

Я молча окинул взглядом потолок, углы комнаты.

– Все проверено, – скучным голосом сказала Маша. – Все «жучки» давным-давно обнаружены и подключены к имитационному компьютеру. За Андреем Валентиновичем следили ФСБ, МВД, Роскосмос, ЦРУ и Моссад. Но, по их мнению, твой дед сейчас рассказывает нам о коварстве Чужих и ругает президентов.

– Дед, ты с ума сошел! – воскликнул я. – Ты что, решил отловить и пытаться счетчика?

– Ловить не надо, он сам придет, – отмахнулся дед. – А пытаться... по ситуации. Посмотрим.

Маша с любопытством поглядывала на меня, и это вернуло мне самообладание.

– Дед, ты не прав, – только и сказал я. – Ты совершенно не прав. В тебе говорят эмоции.

– Во мне? – Дед засмеялся. – Что ты, Петя... Я давно не могу себе позволить эту роскошь – жить эмоциями. Только расчет. Чем спорить попусту, лучше помоги Маше на стол собрать. В конце концов, свободное время можно использо-

вать и приятным образом.

Он улыбнулся нам обоим и подтянул к себе ноутбук. Словно дал понять, что беседа окончена. Послушание во мне все-таки оставалось – я встал и вышел вслед за Машей. А та двинулась на кухню так уверенно, что сомнений не оставалось – она здесь бывала частенько.

В те дни, когда я возил земное барахло в обмен на барахло инопланетное...

Ну, дед!

– Готовить – это не женское занятие, – сказала Маша.

Она с таким ожесточением колотила деревянным молотком по будущим отбивным, словно перед ней было филе Чужих.

– Конечно, не женское, – согласился я. – Лучшие повара всегда были мужчинами.

Маша покосилась на меня, но спорить не стала. Полчаса мы дружно, хоть и в полном молчании, занимались приготовлением обеда. Потом она вновь заговорила:

– Завидую тебе, Петр. Быть внуком Андрея Валентиновича – это большое счастье.

– Знаешь, я как-то не имел возможности выбирать и сравнивать...

Маша подозрительно глянула:

– Ты смеешься?

– Нет, что ты.

– У меня плохое чувство юмора, – самокритично призналась она, разжигая огонь под сковородой. – Ты учитывай, Петя. Будем вместе работать, надо устранить возможность конфликтов...

– Мне сложно работать с кем-то вместе. У меня кресло второго пилота снято, вместо него джампер стоит.

Я вспомнил старушку «Спираль» и загрустил.

– А ты часто испытывал джамп?

– Полсотни раз.

– Это и правда похоже на оргазм?

– Н-нет... наверное.

– Тебе не с чем сравнивать?

Кошмар какой-то! С чувством юмора у нее плохо, но вот с непосредственностью – никаких проблем.

– Есть с чем. Просто это совсем разное. Словно просят сравнить вкус апельсина и органнй концерт Баха.

– Я выберу апельсин, – решительно заявила Маша. – Так. Пошли разбирать груз.

Минут двадцать мы распаковывали ящики и сумки. На свет появлялись блоки электронной аппаратуры, мотки кабеля, бережно, как елочные игрушки, завернутые в бумагу и вату детекторы.

– Когда твой пассажир появится, – сказала Маша, – его будет ждать сюрприз. Здесь видеодатчики с псевдоразумным блоком определения, магнитные сенсоры, инфракрасные детекторы, активные радиосистемы, измерители электрическо-

го поля... Никто не пройдет незамеченным.

– У нас собака, – предупредил я.

– Запрет. Нет, не надо. Собаку внесем в список разрешенных объектов.

Временами Маша отбегала на кухню, а я, пользуясь возможностью, осматривал ее творения повнимательнее.

Все сделано вручную. Явно несерийная работа.

Но очень аккуратная.

Возможно ли одному человеку сотворить все это – пусть даже пользуясь готовыми схемами и разработками? И вдвойне интереснее вопрос – можно ли скрыть эту работу от соответствующих органов? Которые старательно пресекают любое недовольство Чужими?

Не верю я в гениальных сумасшедших ученых!

Зато верю деду. А он верит Маше...

– Газ я выключила, – сообщила Маша, вернувшись с кухни. – Пошли расставим детекторы.

Мы вышли под дождь и принялись устанавливать датчики по территории дачи. Занятие несложное, все они были с радиопередатчиками, и тянуть провода не требовалось. За полчаса мы усеяли пожухлую траву, стволы деревьев, забор и дорожки сотней крошечных пластиковых устройств, выполненных в основном в виде камешков и сухих веточек. Несколько детекторов Маша упрятала внутри достаточно гадко выглядящих корпусов. Ну, знаете, есть такие магазинчики, где продают подгузники пятидесятого размера,

«отрубленные пальцы», «настоящую кровь» и прочие предметы для развлечения пятиклассников и взрослых со слабым интеллектом... Надо признать, искусственные собачьи экскременты выглядели вполне правдоподобно.

Потом Маша уселась в прихожей с переносным пультом, а я поводил недоумевающего Тирана по территории. На провокационно выглядящие датчики он не обращал никакого внимания – запах был не тот.

Когда мы вернулись, оба мокрые и не получившие от прогулки никакого удовольствия, Маша удовлетворенно кивнула:

– Прекрасно. Собачка может ходить беспрепятственно.

Она без всякого страха потрепала Тирана за морду, и я убедился, что знакомы они давным-давно.

– Воспользуюсь твоей ванной комнатой, – сообщила Маша и, подхватив самую мелкую и неказистую сумку, пошла мыться. Мне оставалось только ждать, и я поднялся наверх.

Дед сидел перед компьютером, колотя по клавиатуре с видом поэта, поймавшего редкий миг вдохновения.

– Мы поставили охранную систему, – сказал я.

– Молодцы...

– Дед, ты думаешь, это сработает?

Он задумчиво посмотрел на меня.

– Счетчик даже «черный ящик» в челноке смог перепрограммировать...

– Мы должны исходить из того, что Чужие не всесильны, –

с легким раздражением ответил дед. – Иначе нам остается лишь смириться со статус-кво...

– А это так плохо?

– Ты не согласен с моей позицией? – поразился дед.

– В общем-то согласен. – Я вспомнил московские улицы, почти без машин, мрачные, напряженные лица прохожих, сумасшедшую побирušку. – Конечно, мы гробим экономику страны... нет, не страны, всей планеты. Если даже Испания, Португалия, Бразилия соорудили космодромы... это ненормальная ситуация.

– Ну? – подбодрил дед.

– Все эти аварии... в Приморье, говорят, экология вообще к чертям собачьим рухнула... Да, мы не можем выдерживать заданный темп. Но, дед, если решиться на активное противодействие – Чужие могут уничтожить всю Землю!

– Никогда. Курицу, несущую золотые яйца, не режут на бульон. Даже если она клюнет хозяина в руку.

– Фальшивая аналогия, – сказал я.

– Допустим, фальшивая. Но суть остается та же. Опасность может грозить лишь нам, Петя. Если мы натворим глупостей, то нас всех подвергнут показательному суду, сошлют на лесоповал. – Дед хихикнул, словно представив себя с топором в руках и по колено в снегу. – А Земле-матушке хуже не станет.

– Дед, надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– Да.

– Ты меня никогда не обманывал, дед. Я тебе верю. Но боюсь.

Дед отвел глаза:

– Все будет хорошо, Петя. Но без твоего участия весь план рухнет. Понимаешь?

Я кивнул. Что уж тут поделаешь, дед продумывает и разыгрывает свои многоходовые комбинации на много лет вперед. Глупо пытаться его переубедить за один день.

– Подружился с Машей?

– Ну... в какой-то мере.

– Интересная девушка, – сказал дед.

– Да, умная... – выдавил я единственно возможный комплимент. Дед почувствовал напряжение в голосе и воскликнул:

– И все?

– Чистоплотная... – ляпнул я, прислушиваясь к шуму воды на первом этаже. Как ни странно, дед захохотал:

– Петр, ты меня порой удивляешь...

– Ты тоже, дед. Давно вы знакомы?

– Давно. У меня много странных знакомств, Петя.

И тут я дернулся:

– Дед... Тебе привет от Данилова!

– От Александра Олеговича? – Дед всплеснул руками. – Да, он ведь тебя встречал...

– Не только привет, – совсем уже убито прошептал я. – Он что-то передавал тебе... а я так и не открыл «дипломат».

– Неси, – скомандовал дед. Он как-то весь напрягся. – Неси, не открывая!

Я бросился вниз. У двери мялся Тиран, дергая лапой замок. Я отпер ему, и пес выскочил в сад. Пусть побегает, дождь приутих... Может, какой-нибудь датчик на него работает – а то уж слишком Маша самоуверенна.

Из ванной, пока я искал «дипломат», доносились плеск воды и пение. Слух у Маши был. С голосом, увы, оказалось хуже.

С «дипломатом» в руке я поднялся к деду. И обомлел.

Он покинул свое кресло и нацепил странный пластиковый балахон. Прозрачный, двухслойный, причем между пленками была тонкая, как паутина, медная сетка. Лицо деда закрывал прозрачный щиток, тоже с проволочной решеточкой.

А в руке был небольшой металлический агрегат зелено-бурого цвета. Антенна сложной формы, два тумблера и дисплей.

– «Дипломат» – на стол! – скомандовал дед из-под забрала. – И отходи.

– Дед, это чего? – спросил я.

– Не знаю, я ведь сварщик не настоящий, на стройке нашел, – ответил дед явно цитатой, только откуда – я не узнал. – Это индикатор органики, внучек.

На кровати валялся раскрытый чемодан, явно привезенный Машей. В нем еще оставалось много всяких незнакомых устройств.

– Посмотрим... – прошептал дед и щелкнул тумблером. Дисплей засветился красным.

– Твой счетчик мог поместиться в «дипломате»? – невинно спросил дед. У меня внутри все похолодело.

– Нет... Не знаю...

– И никто не знает, – согласился дед. Не сводя взгляда с дипломата, попятился к кровати, взял из чемодана что-то, очень похожее на оружие. Рукоять, спусковой крючок и коносовидный ствол. Похоже, оружие было не пулевым – ствол походил на антенну.

– Не надо! – воскликнул я, и в этот момент дед нажал на спуск. Абсолютно ничего не произошло, только в ушах у меня возник легкий, словно не имеющий источника звук.

– Это прототип парализующего излучателя, – сказал дед, откидывая оружие. – Однозарядный. На все земные формы жизни действует.

– А на инопланетные?

– Сейчас увидим.

Дед подошел к столу и открыл «дипломат». Внутри были несколько маленьких пакетов – с моими вещами и сувенирами. И один большой.

Очень аккуратно и бережно дед развернул его.

Вздыхнул и сел в кресло. Стал снимать прозрачный шлем.

– Помнит еще Саша, как я люблю красную рыбу... – сказал он. – Хочешь, Петр? Хорошо просоленная... а теперь еще и парализованная лососинка.

Я отщипнул кусочек рыбы, прожевал.

Рыба как рыба. На вкус неведомое оружие не повлияло.

– Классная лососина, деда... – сказал я. – Ты что?

Он сидел, обхватив голову руками и глядя на «дипломат».

Тоскливо посмотрел на меня:

– Думаешь, я не боюсь, Петя? Думаешь, кошмары ночами не давят? Нервы, Петя... Я ведь уже думал, и не дождусь этого дня... не успею... сам.

На лестнице послышались шаги, и дед встряхнулся.

– Иди мойся. Нам с Машей надо поговорить.

Я обогнул застывшую в дверях девушку – она была в халате и с обмотанной полотенцем головой.

– Мы тут воевали, – любезно сообщил я.

Мылся я долго и с удовольствием. Словно мог отскоблить с тела все неприятности и неожиданности последних дней. Вернуться в прежнее спокойное и легкое состояние духа.

Привык я все-таки к уверенности – в себе самом и в завтрашнем дне. С самого детства знал: на свете есть дед, чьи ехидные реплики газеты выносят на первые страницы, дед, к которому приезжают советоваться депутаты и бизнесмены. За ним – как за каменной стеной. Нет, он никогда мне ничего не навязывал. Я сам выбирал курсы, которые проходил в школе, спортивные секции, где хотел заниматься, сам решил стать военным летчиком, потом ушел в космонавтику... но дед всегда был готов помочь.

Интересно, а есть ли в Галактической Семье внуки?

Я усмехнулся, начал что-то насвистывать, потом вспомнил немзыкальное пение Маши и замолчал.

Музицирование в ванной комнате – это почти порок.

Хорошую аналогию привел дед в своей книжке, про детей и пасынков. Обидную для человечества, однако нам давно пора научиться обижаться.

Но ведь все аналогии – лживы...

Что-то давило на меня. Какой-то холодок затаился в груди, щекотал нервы тонкими паучьими лапками. И его не прогнать горячим душем.

Словно я проглядел что-то важное. Отвернулся, не желая видеть...

Тьфу ты, это уже неврастения какая-то! Все у меня нормально. Насколько может быть, конечно.

Растеревшись мягким стареньким полотенцем, я взял с полки фен и слегка подсушил волосы. Маша то ли постеснялась им воспользоваться, то ли не заметила. Скорее не заметила. Надо будет предложить ей фен. Странная девушка...

Интересно, а я ей понравился? Не как внук обожаемого Андрея Хрумова, а просто как человек?

Выглянув – нет ли кого в моей комнате, я вышел из ванной. Маша – девушка бесцеремонная, может ввалиться без стука. А я к этому не привык. Лет с пяти, наверное, усвоил: в своей комнате я полный хозяин; если захочу, то дед сюда не войдет. Потом прочитал в какой-то книжке деда о том, что

утрата «личной территории» приводит к аномальному развитию как отдельного индивидуума, так и нации или расы. Дед имел в виду человечество, не способное ныне контролировать Землю. Прогнозировал, к чему это в итоге приведет, — проводя очень рискованные аналогии с историей разных народов. Но и ко мне, вероятно, применял свои убеждения.

В дверь тихонько постучали.

– Петя, – позвал дед. – Если ты освежился, то помоги нам собрать на стол.

Не люблю я таких вот домашних банкетов. Смысла в них не вижу. Одно дело, когда приходят гости и хочется устроить им настоящий праздник. Тонкий фарфор посуды, хрусталь бокалов, какой-нибудь телячий бок, запеченный в миндальном соусе, и красное божоле, только что из Франции... Здорово, когда доставляешь людям приятное.

Или когда для себя делаешь событие, идешь в маленький уютный ресторан... и за кружкой свежего пива терзаешь шашлык по-карски...

Совсем другое, когда сам же суетишься, готовишь, выкладываешь салаты позатейливее, застилаешь стол, раскладываешь приборы... чтобы через пару часов, все съев и выпив, начать мыть посуду и ликвидировать все следы торжества.

Глупо ведь, правда?

Можно было сесть на кухне, разогреть в микроволновке пиццу, откупорить по бутылочке чешского пива. И никаких

проблем. Даже свечу можно было зажечь посередине стола, воткнув в пустой стакан...

Я носился из кухни в столовую, мимоходом замечая, как стараниями Маши стол приобретает торжественный вид. Она и подсвечник где-то нашла, и салфеточки с веселым рисунком, и старинное мельхиоровое ведерко для льда... даже не знал, что у нас так много всяких ненужных вещей. Почетное место заняло блюдо с парализованной лососиной.

Не забыла Маша и пульт сигнализации, поставила рядом со своей тарелкой. Всегда на страже.

– Красиво? – полюбопытствовала Маша, когда я остановился передохнуть. В длинном бордовом платье, с уложенными волосами, она стала гораздо симпатичнее.

А может, просто я присмотрелся?

– Угу... – Поколебавшись, я спросил: – Никого больше не ожидается?

– Нет, а что?

– Так...

Прямо хоть иди по соседним дачам, отлавливай кого-нибудь из старичков писателей или их лоботрясов-внуков и зови на ужин. Пусть оценят.

Так ведь нельзя. Деловые разговоры предполагаются.

Лишь через полчаса мы уселись за стол. Для обеда было уже поздно, для ужина рано. Я украдкой поглядывал на деда, уж больно забавно тот выглядел. Он сменил трикотажные брюки и свитер на старомодный костюм, белую рубашку

и узенький, бывший, наверное, когда-то модным галстук. В таких одеждах пенсионеры ходят требовать повышения пенсии и бесплатного муниципального ремонта квартиры. Еще бы ордена на грудь... вот только не заслужил их дед. Никогда он не воевал. Ни в кавказскую кампанию, ни во времена крымского кризиса.

Может, потому до сих пор такой воинственный?

– Ребятки... – Дед откашлялся, покосился на меня, потом на Машу. – Мальчики и девочки... давно вам было пора познакомиться...

Интересное начало.

– Двадцать пять лет я ждал дня, когда у человечества появится шанс, – продолжал дед. – Четверть века. Треть жизни. Готовился. И наверное, очень многие мои поступки были не слишком-то этичные... Но так было надо.

Он покрутил в руках стопку, покосился на бутылку лучшей московской водки – «Старая столица».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.